

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится

КОНЦЕРТЪ Маріи Ивановны Долиной

Августъ. состоится

только

ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ

известной артистки

исполнительницы

ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ

Въ этомъ домѣ въ столицѣ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№2 (100)

Июль. 2017 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

СОТЫЙ

У вас в руках, читатель, сотый номер газеты "Всемирные одесские новости". Долгие 27 лет мы шли к этому дню. Когда начинали выпускать газету, хотели, чтобы ее периодичность была 12 номеров в год. Желание было, но была и реальность. Мы были без бумаги, без штата редакции, без денег... И всё равно газета выходила такой, как и была задумана в 1990 году. Не так часто, но выходила.

Передо мной первый номер за ноябрь — декабрь 1990 года.

На первой полосе, в колонке редактора "Поверх барьеров", я писал: "Это информационно-культурное издание, воспитывающее интеллигентность, то качество, с которым упорно борлись десятки лет".

И сегодня, спустя годы, я мог бы повторить, что в воспитании интеллигентности, в прививке культуры вижу смысл существования этой газеты.

Уже в первом номере — приветствия Михаила Жванецкого и Валентина Симоненко, стихи Юрия Михайлика, неизвестный рассказ Ивана Бунина, статьи архитектора Евгения Оленина, режиссера Даниила Шаца, журналистов Юлии Женевакской, Аркадия Ромма, Александра Галаса...

В рубрике "Кто есть кто" представлены друзья Всемирного клуба одесситов — режиссер Юлий Гриншпун, двенадцатилетний вундеркинд скрипач Кирилл Кабаченко, физик, альпинист, коллекционер Александр Блещунов, доктор медицинских наук хирург Сергей Гешелин, капитан теплохода "Казахстан" Юрий Евфимов, предприниматель Светлана Нисилевич. На долгие годы они стали героями и авторами газеты.

Сейчас наша научная библиотека, Горьковка, как мы ее всё еще называем, готовит библиографический указатель по всем номерам "Всемирных одесских новостей", и мы увидим какие темы, какие проблемы волновали нас всю эту четверть века в культуре нашего города.

И вот теперь — сотый номер. Мы приурочили его выход к двум событиям — вручению первой Бабелевской премии, в день рождения Исаака Эммануиловича Бабеля, и к сорокалетию Одесского литературного музея, где и будет проходить вручение премии.

Очень хочется надеяться, что статьи, интервью, рассказы в этом номере будут соответствовать уровню событий, которым они посвящены. Но пусть об этом судит читатель.

Я же вернусь к первому номеру. В эссе "Мы открываемся!" Михаил Михайлович Жванецкий, бессменный Президент Всемирного клуба одесситов, писал: "Я человек суеверный, если ничего не выйдет, будем считать, что никто ничего не начинал". Время показало, что — вышло! Клуб стал реальной силой нашего города, где рождаются идеи и предлагаются варианты решений. И Бабелевская премия родилась в клубе. Это была идея вице-президента клуба Валерия Хаита. Не сразу, понадобился год, и вот идея воплощается в жизнь. Пишу эти строки и еще не знаю, кого жюри назовет 13 июля победителями. Это будет ее первое вручение.

А новых идей у Клуба немерено. Были бы силы, была бы возможность их осуществить. И о каждой из них будет сообщать наша газета — "Всемирные одесские новости".

Сотый номер вышел. Думаем о 101-м.

Евгений Голубовский.

Фотография Татьяны Тесс

Дорогой Леонид, добрый день!
Вас беспокоит Раиса Зильберман.
Несколько лет назад Вы помогли мне поместить небольшую статью о моем брате Давиде Зильбермане в альманах "Они оставили след в истории Одессы", за что я Вам всячески признательна.

Мое обращение к Вам связано с тем, что мне кажется насущным рассказать о том, что в альманахе отсутствует очень важная страница, посвященная Арнольду Григорьевичу Азрикану, замечательному артисту, прекрасному певцу, обладавшему редкостным голосом, невероятно обаятельным человеку. Буде его страничка доступна читателям альманаха, история Одессы была бы богаче и ярче.

Весьма вероятно, что Вы его тоже слышали, т. к. он пел в нашем Оперном театре.

Я его слушала не только потому, что ходила с родителями в театр, но и потому, что дочь Арнольда Григорьевича, Дина, была моей одноклассницей и любимой подружкой. Это чувство осталось на всю жизнь.

Дина Арнольдовна написала необыкновенно хорошую книгу о своем отце — "Арнольд Азрикан. Романс для драматического тенора".

Книга эта прекрасна не только, что Дина Арнольдовна — талантливейший литератор, а потому, что она написана с большой любовью и с большой горечью из-за трудной судьбы отца, когда радость и страдание или неизменно рядом. Это судьба незаурядного человека, судьба уникального голоса и история, зародившаяся в нашем городе...

По предположению Дины Арнольдовны, книга, скорее всего, уже передана в библиотеку Одесской консерватории.

Если Вам понравится мое предложение и приведенный материал (см. приложения), пожалуйста, представьте Дину Арнольдовну нынешнему директору клуба.

Заранее благодарю Вас за участие и помощь.

Раиса Зильберман.

Дорогие сотрудники сайта ВКО.
Думаю, что это очень символично, что материал на одесских сайтах появился именно сегодня — 23 февраля, в день рождения нашего отца Арнольда Азрикана.

Большое вам спасибо, очень понравились формат, отбор фотографий — все замечательно. Это драгоценный дар памяти Арнольда Азрикана.

Все ссылки прекрасно работают. Очень рады, что удалось поместить весь текст с фотографиями и главное — линк на радиопередачу, которая была прекрасно сделана и прочитана.

Еще раз благодарю вас от всего сердца, с уважением к вам — Дина Азрикан.

Леонид, видел Вас на фотографиях в хронике клуба. Показываете книги и рассказываете о них. Завидую, что есть такие места, где идет вполне человеческая культурная жизнь, люди встречаются и радуются общению. Интересное дело — этот самый клуб.
Всего доброго.

Евг. Перемыслов.
Москва.

Привет, ВКО.
Дорогой Леонид Рукман, большое Вам спасибо за то, что благосклонно принял мой сборник. Я благодарен всем участникам столь важного для меня события. В моем сборнике используются иллюстрации с картин одесского художника А. Фрейдина, кузена моей жены. Она попросила меня перепечатать Вам её статью, которая была напечатана в чикагской газете "Суббота" (лето и осень мы проводили в Чикаго). Передаем привет Е. Толубовскому, который хорошо знал художника. Спасибо за координацию Виктора Понца. Я обязательно свяжусь с ним.

С уважением —
Евгений и Людмила Канеры.

Здравствуйте!
Не могли бы вы подсказать контакты фотографа Вадима Шцлеко?
Я знаю, что он является старейшим одесским фотографом, участником большого числа выставок и активным деятелем фото-клубного движения в 70 — 90-е годы.

Я занимаюсь исследованием советской фотографии и был бы рад пообщаться с ним.

С уважением —
Юрий Рахов,
г. Рязань.

Уважаемая Елена Олеговна, обратилась к Вам мне посоветовала Лина Владимировна Арюпина, замдиректора по научной работе одесской библиотеки. Я подготовила статью о портретах одесских графов Толстых, хранящихся в Государственном историческом музее (Москва), но осталось много архивного материала, который никогда не публиковался. Например, письма главного управляющего имениями Толстых Н.А. Боура. Ваш альманах издается в печатном виде или только в Интернет-версии? Если в печатном, могу предложить статью под условным названием "Список добрых дел графов Толстых, составленный Н.А. Боуром". Это архивный материал — перечень из 44 пунктов, касающихся исключительно одесских мест. Если Вас это заинтересует, напишите, пожалуйста, условия и сроки публикации.

С уважением —
Елена Михайловна Букреева, старший научный сотрудник отдела изобразительных материалов ТИМа, кандидат ист. наук.

Дорогие одесситы из ВКО!
Спасибо большое за теплые слова соболезнования и сочувствия, за поддержку в эту тяжёлую пору. Так важно знать, что мы с Вами по-прежнему вместе, едины в наших привязанностях, оценках, взглядах...

Сuccioм Валерия Савинкина Одесское землячество воинству осиротило.

Вы поддерживаете наш дух, помогаете пережить... преодолеть... работать дальше, превращая в жизнь планы Валерия и не утратив созданного им особого — одесского — лица нашего сообщества.

Ещё раз спасибо!

Ваше письмо прозвучит на церемонии прощания с Валерием, будет опубликовано в русскоязычной прессе Нью-Йорка и на странице "Фейсбук" Одесского землячества Нью-Йорка.

С уважением и благодарностью, от имени Одесского землячества Нью-Йорка —

Наталья Нейжмакова, член правления.

Уважаемое руководство клуба одесситов, прошу вас принять меня в члены клуба. Являюсь одесситом в пятом поколении, вся моя семья родилась и выросла на Ближних и Дальних Мельницах. Мне 30 лет, родился и вырос в городе Одесса, окончил там же школу и железнодорожный техникум, работал в одесском цеховом розиске. Так сложились семейные обстоятельства, что в 2014 году был вынужден переехать в город Санкт-Петербург, где теперь и проживаю. Про свой родной город никогда не забывал и не забуду, много большое желание участвовать в жизни и деятельности клуба, общаться с земляками, посещать мероприятия клуба по возможности.

Заранее благодарен!
С уважением —

Ткаченко Юрий Вячеславович.
Город Санкт-Петербург.

Здравствуйте, уважаемая Елена Олеговна!
Вы, несомненно, знаете, что 4 апреля этого года весь кинематографический мир отмечает 85-ю годовщину со дня рождения выдающегося кинорежиссера современности Андрея Тарковского.

Мне кажется, что сегодня есть не просто хорошая возможность, но и необходимость почтить память этого великого человека и в Украине.

Как известно, свой творческий путь А. Тарковский начал в качестве помощника режиссера Марлена Хуциева на Одесской киностудии, а первый свой фильм "Иваново детство" (получивший главный приз кинофестиваля в Венеции в 1967 году) А. Тарковский снимал в Каневе в Украине.

С прекрасной Одессой, к слову, связано и одно из первых стихотворений отца Андрея Тарковского — великого русского поэта Арсения Александровича Тарковского, который родился в Елисаветграде в Украине и 110-летие со дня рождения которого будет отмечаться 25 июня нынешнего года.

Небольшой отрывок из воспоминаний Арсения Александровича:

"Однажды отец уезжал в Одессу и спросил, что привезти мне в подарок. "Морской воды в бутылочке..." — я очень скучал по морю с тех пор, как летом жил с родителями в Севастополе. Отец привёз. (Я хранил эту бутылку потом много лет.) Любовь и благодарности так переполнили меня, я не знал, как выразить их, и вдруг у меня, шестилетнего, вырвалась первая стихотворная строчка: "Приехал папа из Одессы, морской водички

мне привёз". В любви и благодарности познал я впервые вдохновение. Я думаю, в памяти любви черпаем мы жизненные силы. И если ты забыл или вовсе не знал, что тебя любили когда-то, ты берешь веру в себя, забываешь о том, что ты есть".

Почему я сегодня пишу обо всем этом именно Вам, уважаемая Елена Олеговна?

В сентябре этого года мы совместно с Институтом Андрея Тарковского во Флоренции (директором которого является Андрей Тарковский-мл.) и в сотрудничестве с театром им. Трибуццова планируем показать в Мобилисе в рамках фестиваля "Дождь в Мобилисе" ("Слезы о Мобилисе, слезы о дружбе") проект "Запечатленное время" Андрея Тарковского.

"Запечатленное время" — это авторский проект Андрея Тарковского-младшего, сына Андрея Арсеньевича, в котором принимают участие превосходные музыканты дуэт "Тацзана" из Италии.

Поскольку я являюсь автором и участником проекта "Дождь в Мобилисе", то заинтересовался у Андрея, не хотел ли бы он, если бы появилась возможность, показать свой проект "Запечатленное время" на родине его души в Украине, и Андрей ответил мне согласием.

Уважаемая Елена Олеговна, если Вы и клуб одесситов увидите возможность поддержки проекта, посвященного памяти Андрея Тарковского, в июне нынешнего года в Одессе, прошу Вас помочь нам осуществить эту идею.

С уважением —
Дмитрий Черченко.

Меня зовут Дебби, я учительница. Я нашла вашу страницу, когда искала информацию по генеалогии для школьного проекта. Ваши информационные ресурсы оказались очень полезными! Я просто хотела вас поблагодарить и сказать, насколько это полезно и упрощает сбор информации.

Еще раз спасибо!
Дебби Рейнальдс.
Внешкольный центр США.

Елена, здравствуйте. Меня зовут Наталья. Я работала летописцем в сирском Дворце детей и юношества. В этом году мы со старшеклассниками реализуем проект, целью которого является популяризация современной украинской прозы. В рамках проекта мы будем знакомиться с 25 украинскими авторами: по одному из каждой области Украины. Из Одесской области мы выбрали Таню Костенко, "Мне, кто поздравляет сны". Порекомендуйте, пожалуйста, где мы можем купить эту книгу.
Благодарю.

Наталья Левенец.

Добрый день!
Привет из заснеженного Петрозаводска!
Вся моя семья любит Одессу. Это наша родина. Валею судьбы сейчас оторваны от Мамы, но живем надеждой, что все равно рано или поздно снова приедем домой к Маме.
Просим принять нас в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Кривцов Валентин Владимирович,
Кривцова Юлия Юрьевна,
Кривцова Анастасия Валентиновна,
Кривцов Андрей Валентинович.

Дорогие друзья из Всемирного клуба одесситов!
Получили ваше письмо. Спасибо, что помните о нашем друге Евгении Лабовском — замечательном музыканте, педагоге, настоящем одессите, человеке огромного ума, отличного чувства юмора и доброты.

Николай Дорфман, Алина Цовникова.

Добрый день!
Вас беспокоит редактор Музея русского импрессионизма в Москве Елизавета Новикова. Сейчас я готовлю переиздание мемуаров художника-одессита Леонида Осиповича Пастернака "Записи разных лет". Первый и последний раз они издавались в 1975 году. Леонид Осипович упоминает множество одесских художников, своих друзей, о которых очень сложно найти какую-либо информацию, хотя бы годы жизни, для указания в справочном аппарате книги.

Насколько мне известно, биографией Леонида Осиповича очень интересуется Михаил Борисович Лойзер. Возможно, как краевед и знаток одесской истории, он мог бы выступить в качестве научного консультанта по "одесскому

разделу нашего переиздания. Я ищу контакты Михаила Борисовича — быть может, Вы располагаете его электронным адресом?

Буду рада ответу!
С уважением и наилучшими пожеланиями —
Елизавета Новикова.

Уважаемые дамы и господа.
Наш фонд "Памятник убитым евреям Европы" в Берлине хочет включить мемориалы в Доманевке в наш портал памяти: www.memorialmuseum.org/pages/home.

Есть ли у вас информация о памятниках и о местах массового расстрела?
Заранее благодарю за содействие!

С уважением —
Анастасия Кёлер (Берлин).

Дорогая Елена!
Мне дорого всё, что происходит в родной Одессе! Поэтому каждое сообщение, любая информация из ВКО, даже если я не присутствую, для меня, отнюдь не пассивного члена клуба, значат очень много. С большим интересом читаю и узнаю новое. Спасибо! Вы и всем друзьям наилучшие пожелания!
Людмила Марцевич.

Здравствуйте, уважаемый Всемирный клуб одесситов!

Простите, что пишу сразу всем представителям клуба из разных регионов.

Мое письмо продиктовано отчаянием при попытках найти информацию в Интернете, и, быть может, Вы сможете помочь.

Вопрос мой касается публикации в альманахе № 21, 2005, где опубликованы воспоминания баронессы Ольги Егоровны Швахгейм-Докс (по матери — Дмитриенко; 1882 — 1959).

Дело в том, что я являюсь одним из потомков баронов Швахгеймов, прибывших из Ганновера в Российскую империю в 1782 году. Швахгеймы, о которых идет речь в воспоминаниях, не являются моими прямыми предками, а отделились от моих предков примерно в 1790 году.

Тем не менее, я хочу составить как можно более полное древо, найти по возможности всех русских Швахгеймов (хотя этим мой поиск не ограничился, и сейчас я в контакте с "немецкими" Швахгеймами, живущими на их исторической родине в городке Hattorf am Harz, в той самой мельнице, построенной Merten Schwachheim еще в конце XVII века!).

Я знаю, что как минимум одна из веточек потомков баронов Швахгеймов из-под Одессы (а именно потомки Сергея Егоровича Швахгейма 1889 — ?, брата Ольги Егоровны) эмигрировала в Бразилию, где до сих пор и проживает. С ними я поддерживаю контакты.

Однако, как следует из публикации, есть еще названный в статье "Джорджик" (вероятно, Докс), внук Ольги Егоровны, потомки которого мне неизвестны, есть Татьяна Марковична Швахгейм и, наконец, многократной упоминаемая баронесса Елена Сергеевна Швахгейм, урожденная баронесса Рено из США.

Я был бы крайне признателен за любую возможность связаться с указанными лицами или их потомками, возможности обменяться какими-то фотографиями (у меня, правда, это фотографии "моих" Швахгеймов конца XIX века), документами, да и просто иметь связь с ними.

Сам я последний год проживаю в Болгарии, в Софии, вместе с женой и дочкой, но до этого жил в Подгосковье.

С уважением —
Антон Суббота.

Добрый день, уважаемый Леонид!
Большое спасибо за весточку лично от Вас, т. к. долго и хорошо знаю и, как говорится, лично с Вами знакома, поэтому особо приятно получение от Вас сообщения.
Хочу сказать, что время от времени у нас происходят неформальные встречи одесситов, живущих в Праге.

Прошлый год выдался для всех такой холодный и тяжелый, с болезнями и разными трудностями, что пришлось немного сократить свою деятельность. Но с наступлением тепла надеюсь на более активную деятельность нашего клуба, который насчитывает около 20 человек.

Жду Вашего ответа! Привет Одессе!
Елена Чепелкова, председатель филиала Всемирного клуба одесситов.
Пражский клуб одесситов "Ланжерон".

Премия Бабеля

Немного статистики

Статистика приема рукописей в первом сезоне Одесской международной литературной премии имени Исаака Бабеля

15 апреля 2017 года завершился прием рукописей на соискание Одесской международной литературной премии имени Исаака Бабеля, которая этим летом будет вручаться впервые. За три месяца (с 15 января) свои рассказы и новеллы прислали на конкурс 228 авторов из 16 стран.

А именно:
Украина — 120 рукописей (в том числе из Одессы — 49);
Россия — 62;
США, Израиль, Германия, Франция, Канада, Португалия, Австралия, Черногория, Болгария — 36;
Армения, Беларусь, Киргизия, Молдова, Эстония — 10 рукописей.

Церемония награждения состоится в день рождения Исаака Бабеля — 13 июля 2017 года.

Лонг-лист

(длинный список Премии Бабеля)

Из 228 номинантов в лонг-лист попали следующие.

1. Аксии Валентина (Украина, Киев).
2. Андрейчикова Елена (Украина, Одесса).
3. Бару Михаил (Россия).
4. Беломлинская Юлия (Россия).
5. Бердичевская Анна (Россия).
6. Березин Алексей (Россия).
7. Бирштейн Александр (Украина, Одесса).
8. Боришполец Елена (Украина, Одесса).
9. Боссарт Алла (Россия/Израиль).
10. Бревис Витя (Украина, Одесса).
11. Волкова Светлана (Россия).

12. Володарский Александр (Украина, Киев).
13. Геденов Алексей (Украина, Киев).
14. Гелприн Майк (США).
15. Гельбах Игорь (Израиль).
16. Гончарова Марианна (Украина, Черновцы).
17. Горбатюк Анатолий (Украина, Одесса).
18. Деменок Евгений (Украина, Одесса).
19. Демидова Анна (Украина, Киев).
20. Дзе Наталья (Россия).
21. Жукова Алена (Канада).
22. Загоруйко Людмила (Украина, с. Широкий Луг, Закарпатская обл.).
23. Зисман Владимир (Россия).
24. Каденко Владимир (Украина, Киев).
25. Казаков Валерий (Россия).
26. Каленик Владимир (Украина, Киев).
27. Карпов Александр (Украина, Киев).
28. Кетов Владимир (Германия).
29. Колмогоров Александр (Россия).
30. Крижопольский Борис (Израиль).
31. Курилко Алексей (Украина, Киев).
32. Левина Анна (США).
33. Лейдерман Леонид (Украина, Одесса).
34. Лидский Владимир (Киргизстан).
35. Лихтикман Анна (Израиль).
36. Лозовский Александр (Израиль).
37. Лучишин Сергей (Украина, Одесса).
38. Мардань Александр (Украина, Одесса).
39. Матковский Максим (Украина, Киев).
40. Муратов Наиль (Украина, Одесса).
41. Никитинский Юрий (Украина, Киев).
42. Плоткин Александр (Россия).
43. Розенберг Григорий (Израиль).
44. Рубанова Наталья (Россия).
45. Сагалов Зиновий (Германия).
46. Скрундзь Татьяна (Россия).
47. Талалай Наталья (Украина, Киев).
48. Толстиков Николай (Россия).

49. Топоров Адриан (Украина, Николаев).
50. Феденко Александр (Россия).
51. Ханзина Валентина (Канада).
52. Хомич Николай (Украина, Киев).
53. Хряков Артем (Россия).
54. Черепанов Сергей (Украина, Киев).
55. Черняховский Евгений (Украина, Киев).
56. Шанин Моше (Россия).
57. Шинкарук Сергей (Украина, Киев).

ПРЕМИЯ БАБЕЛЯ

Шорт-лист

(короткий список Премии Исаака Бабеля)

Из 57 авторов, включенных в лонг-лист (длинный список) Премии Бабеля, в шорт-лист (короткий список) попали следующие (по алфавиту).

1. Бердичевская Анна (Россия).
2. Бирштейн Александр (Украина, Одесса).
3. Боссарт Алла (Россия/Израиль).
4. Бревис Витя (Украина, Одесса).
5. Володарский Александр (Украина, Киев).
6. Геденов Алексей (Украина, Киев).
7. Гелприн Майк (США).
8. Гончарова Марианна (Украина, Черновцы).
9. Казаков Валерий (Россия).
10. Курилко Алексей (Украина, Киев).
11. Матковский Максим (Украина, Киев).
12. Никитинский Юрий (Украина, Киев).
13. Феденко Александр (Россия).
14. Ханзина Валентина (Канада).
15. Шанин Моше (Россия).

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Слезы Бабеля

"Бывают странные сближения" — как не вспомнить эту фразу А.С. Пушкина, когда каждый раз жизнь сталкивает вот с такими странными сближениями.

Можно, конечно, задаться целью — найти нечто новое о Бабеле. А результат? Сомнительно. Правда, именно я писал когда-то в "Вечерке" очерк "Самый упрямый одессит" о боцмане Иване Сергеевиче Барвиненко. Поставил перед собой человек, влюбленный в космос, задачу — найти метеорит. Поднял с земли тысячи камней и... нашел. Зарегистрирован Академией наук метеорит "Одесса", найденный в Лузановке И.С. Барвиненко.

О чем это я? Нет, не поднимал я в библиотеках тысячи журналов и книг... Хотя было и такое. Саша Розенбойм решил своими глазами посмотреть все однодневные газеты, выходившие в Одессе в двадцатые годы. Так называемые "летучие издания", многие из которых вообще не регистрировались. И вот в газете "На хлеб" он обнаружил рассказ Бабеля "Справедливость в скобках", переписал его от руки, принес ко мне в редакцию. Вместе написали предисловие и опубликовали этот рассказ в журнале "Простор". С тех пор этот рассказ со ссылкой на алма-атинский журнал перепечатывается во всех собраниях сочинений Бабеля.

В этом году, на июль, я готовил номер "Всемирных одесских новостей". Не простой номер — сотый (!). И решил выпустить его перед днем рождения Бабеля, перед вручением первой Бабелевской премии. И, естественно, ждал чуда — а вдруг...

18 мая, празднуя Международный день музеев, Одесский художественный музей решил сделать любителям искусства подарок — показать французский фильм об одесском французском художнике Филиппе Гозиассоне режиссера Давида Гринберга, который коллеги любезно прислали Виталию Алексеичу Абрамову для однократного (!) показа.

Меня пригласили и потому, что еще в 60-е годы я писал о Ф. Гозиассоне, а позже даже переписывался с ним.

Филипп Гозиассон для Франции — классик, фигура легендарная. Он родился в Одессе

15 (27) февраля 1898 года, его мать была племянницей Леонида Пастернака. В Одессе принимал участие в выставках Независимых, преподавал в студии А. Экстер. В Одессе вышла его книжка об Эль Греко, первая книга на русском языке о великом художнике.

В ноябре 1919 года эмигрировал в Италию. Жил в Германии, потом во Франции, воевал, был ранен, скрывался от нацистов. Умер в почете и славе в 1978 году в Париже. За год до смерти дал журналистам четырехчасовое интервью. Фрагменты из этого интервью легли в основу фильма.

И вот идет показ фильма. Интересно. Но никаких неожиданностей. Для меня. И вот тридцатые годы. И Филипп Германович говорит, как будто знает, что я буду это когда-нибудь слушать.

А теперь о Бабеле.

Этот фрагмент из фильма — еще нигде не публиковавшиеся мемуары — распечатала мне озвучившая фильм на русском Катя Пименова, и его сейчас предлагаю вашему вниманию.

"Об Исааке Бабеле Я встретил его в 1934-м во Флоренции. Я был раздражен. Бабель, знаменитый советский писатель, разглаждался о людях из России, о необходимости... рассматривать искусство с марксистской точки зрения. Я был не в том состоянии, чтобы говорить ему, что я люблю Флоренцию по абсолютно другим причинам.

Я встретился с Исааком Бабелем возле галереи. Он навещал Горького на Капри, возвращался в Париж с оставшейся во Флоренции, и он увидел в газете объявление о моей выставке. Мы договорились встретиться на площади Синьории, в кафе напротив "Давида" Микеланджело.

Когда я нашел его в кафе, я увидел плачущего Бабеля.

Я спросил его:

— Что с тобой?

— Как можно выдержать такую красоту?

Я говорю:

— Это то, чего я не ожидал.

— Ну ладно! Я останусь с тобой на ночь.

Мы продолжили наше шатание по Флоренции, мы говорили ни о чем, это были просто разговоры обо всем, что мы видели. Я рассказывал все, что знал об архитекторах Флоренции. Брунеллески, Микеланджело, как архитекторе, и он задавал вопросы, что можно увидеть в Риме.

Его энтузиазм становился все более буйным. Он был чрезвычайно благодарен за информацию, которой я с ним делился, и он стал таким нежным, каждый раз говоря: "Какая красота! Вы даже представить себе не можете. Как прекрасно, что все это существует в мире".

Мы вернулись пешком от Палаццо Питти к церкви Санта-Мария-Новелла, там, где вокзал.

Мы добрались на вокзал за час до прибытия поезда. И как раз тогда мы увидели... прибытие молодых фашистов в униформе с черными рубашками, выстроившихся вдоль платформы.

Мы молчали, Бабель и я, так как в такие минуты лучше держать рот на замке.

А когда поезд подъехал, Бабель посмотрел на меня и сказал:

— Везде все то же самое.

Это глубоко потрясло меня. Я сказал ему:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что я сказал. Я имею в виду,

что в России, откуда мы, в Германии и здесь я вижу одно и то же.

Я спросил:

— Ты же не член... партии?

— Я? Я не вижу разницы между тем, что мы только что видели, и что можно видеть дома. Да, я не могу иначе. Я не могу жить вне России. Но, дорогой Филипп, мы больше никогда не увидимся. Потому что после Парижа я еду в Москву. И можешь быть уверен: я больше никогда не выеду из страны.

Абсолютно очевидно, что он предвидел свой конец, и я больше никогда не видел его".

Многое меня взволновало в этом рассказе Филиппа Гозиассона. Но более всего — слезы Бабеля от соприкосновения с великим искусством.

В тот же вечер я поделился этой находкой (оговорив, что право первой публикации — за мной) с крупнейшим знатоком жизни и творчества Бабеля Еленой Погорельской. Она внесла два уточнения. Во Флоренции Бабель был между 19 — 20 и 27 мая 1933 года. И еще — на Капри Бабель ездил с Максимом Пешковым, а у Горького был в Сорренто.

Память у Филиппа Гозиассона была превосходной. Он вспоминал стихи Катаева и Бабаджана, по памяти воспроизводил одесские вывески 1914 — 1919 годов и написал о них статью во французском журнале. Но, конечно, и хорошая память может не удерживать даты.

И еще. Бабеля за границу еще раз "выпустили". В июне 1935 года в Париже был созван Международный конгресс в защиту культуры. В советскую делегацию включили Тихонова, Караваеву, Киришона, Лахути... Французы подняли бунт — они требовали прислать на конгресс Пастернака и Бабеля. Пришлось пойти на попятный: их послали, когда уже шли заседания. Исаак Бабель и Борис Пастернак выступили на конгрессе. Для Исаака Эммануиловича Бабеля это была действительно последняя поездка за рубеж.

Короткий фрагмент из фильма. В письме ко мне Филипп Гозиассон, называя своих одесских знакомых, упомянул Ильфа, Фазина, Бабеля. А я себя ругаю за то, что, сосредоточившись на его творчестве, не расспросил о литературных связях.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Елена ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Частица живой Одессы

ИСААК БАБЕЛЬ О П.С. СТОЛЯРСКОМ

В 1980 году в серии "Евреи в мировой культуре" в Иерусалиме вышла небольшая книжечка о Петре Соломоновиче Столярском. Ее автор — один из учеников Столярского композитор и скрипач Михаил Гольдштейн, брат известного скрипача Бориса Гольдштейна. В этой книжке есть фрагмент о Бабеле:

"Среди учеников Столярского оказался известный в будущем писатель Исаак Эммануилович Бабель. В своем автобиографическом рассказе "Пробуждение", который был написан спустя два десятилетия после уроков у Столярского <...> писатель поделился своими воспоминаниями. Хотя Бабель изменил фамилию Столярский на Загурский, не трудно было узнать, о ком идет речь. <...>

Столярскому показали рассказ Бабеля "Пробуждение". Он читал его с искренней улыбкой. Потом сказал: "Бабель неплохой фотограф, узнаю свой портрет, даже несмотря на ретушь".

Я был свидетелем встречи Столярского с Бабелем в 1935 г. в Ленинграде. В то время проходил здесь Второй Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей, на котором отличились ученики Столярского: Давид Ойстрах (1-я премия), Елизавета Гилельс, Михаил Фихтенгольц (2-я премия) и автор этой книги (3-я премия).

Зайдя в гостиницу, где остановился Столярский, Бабель обратился к нему со словами: "Узнаете своего непослушного ученика?" Потом, улыбаясь, сказал, что учился на скрипке у профессора Загурского. Столярский вспомнил написанный Бабелем рассказ и засмеялся. Уселся за стол. Бабель поздравил Столярского с успехами его учеников. Мне запомнились такие слова писателя: "Приятно в молодость окунуться, по Одессе босиком побегать. А вы, Петр Соломонович, как вижу, вовсе не стареете. Лицо краснощекое, ухо остро. Только волосы вроде как канифолью натерты. А энергия молодецкая, пламень в груди горит. Только удивляюсь вашей работоспособности. Ее бы на десятерых разделить, и то бы для каждого предостаточно". Потом вздохнул и сказал: "Вот о ком книгу писать надо!" Я спросил у Бабеля: "Кто должен писать?" А он ответил: "Конечно, самые наши лучшие писатели. В Одессе их много было. Тесно им было. А в Москве им просторно. Там ищут, современный герой им нужен".

Всем памятен рассказ "Пробуждение", в котором юный герой-повествователь однажды вместо скрипичных курсов убежал к морю, в порт, потому что всегда думал и мечтал не об игре на скрипке, а совсем о другом: "Проигрывая скрипичные упражнения, я ставил на пюпитре книги Тургенева или Дюма, — и, пилякая, пожирал страницу за страницей. Днем я рассказывал неблизким соседским мальчишкам, ночью переносил их на бумагу". Потом из Практической гавани

мальчик переключал на волнорез, и там корректор "Одесских новостей" Ефим Никитич Смолич обучал его плаванию и более важным вещам, необходимым будущему писателю, таким как чувство природы... Все это продолжалось до тех пор, пока Загурский, обеспокоенный длительным отсутствием ученика, не нагрянул к нему домой, и ребенок вынужден был спастись от отцовского гнева.

Трудно определить, какова доля правды и какова доля вымысла в этом рассказе. Ведь именно после публикации "Пробуждения" в журнале "Молодая гвардия" (№ 17 — 18) Бабель 14 октября 1931 года писал матери: "Я там дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием "История моей голубятни". Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переименовано, — когда книжка будет окончена — тогда станет ясно, для чего мне все это было нужно".

Тем не менее, из дальнейшей переписки Бабеля с родными становится очевидно, что какие-то моменты в рассказе "Пробуждение" соответствуют реальности.

Дело в том, что встреча, о которой писал М. Гольдштейн, действительно состоялась, но произошла она не в Ленинграде, а в Москве, и не в гостинице, а в консерватории. Известна и точная ее дата — 22 марта 1935 года. На следующий день, 23 марта, Бабель сообщил о встрече со Столярским своим родным. Вот детали этого события в изложении самого писателя, которые отличаются от того, что рассказал Гольдштейн:

"Вчера вечером — встреча, угадайте, с кем?.. Со Столярским. Вы читали, наверное, что в Варшаве и Ленинграде был конкурс музыкантов. Как всегда — выделались ученики Столярского. Он теперь знаменитый заслуженный профессор. Вчера был в консерватории концерт — показ участников Ленинградского конкурса. Я решил тряхнуть стариной и пошел. Встретились мы в фойе, целовались, он свеж, румян, как яблоко, в пестреньком галстуке с булавкой и в гетрах. Тут же накрашенная толстая дочка с мушкой. Столярский по-прежнему печет вундеркиндов и поставляет скрипачей для всех концертных эстрад. Одним мною похвастать не может. Он вспомнил все — нашу столовую, двор на Тираспольской, мое мужественное сопровствление. Закачу ему торжественный обед... Узнал он меня с первого взгляда и в порыве восторга объявил, что я ни на йоту не изменился..."

Осенью того же 1935 года они вновь увиделись, на сей раз — в Одессе, где Бабель оказался 16 сентября, после возвращения из-за границы, с антифашистского конгресса писателей в защиту культуры, и поездки по Украине для сбора материала для тематического номера журнала "СССР на стройке". 9 октября он написал матери и сестре:

"...всякое посещение города дает уму и сердцу обильную пищу. Один визит к Столярскому чего стоит!.. Я ночевал у них. Маэстро ходит весь пестренький, с шевелюрой, в пижамах и клетчатых штанах. Здесь школа его имени, он лучший преподаватель скрипичной игры в Союзе, вундеркинды из-под его рук сыплются, как горох, благополучие полное, он любимец и баловень — и даже дочь, сильно напиханная годами, недавно вышла замуж. Сильно кланяется вам..."

Трепетно относясь ко всему, что связано с родным городом, Бабель не забывал и школьных учителей. Например, в один из приездов в Одессу, 19 ноября 1936 года, он побывал в гостях у преподавателя математики из Одесского коммерческого училища — С.Т. Попруженко ("Старик мне весь вечер играл на рояли", — сообщал он два дня спустя), а через два года, в ноябре 1938-го, Попруженко навел своего знаменитого ученика в Москве, и Бабель писал о нем как об "очень трогательном госте <...> чудном, поэтичном, очень бодром старике" (письмо от 15 ноября 1938 года).

Похоже, что к маэстро Столярскому его "непослушный ученик" Бабель проявлял особый интерес, о чем свидетельствуют еще несколько упоминаний в письмах, отправленных им в Бельгию в конце 1930-х годов. Вот эти фрагменты.

Москва, 27 марта 1937 года: "В Брюсселе сейчас наши скрипачи — из коих, как полагаются, четыре одесских мальчика и девочки, ученики Столярского; все выдающиеся виртуозы, надеюсь, они дадут в Брюсселе концерт, и вы их услышите".

Москва, 13 апреля 1937 года: "Я забыл <...>

вчера спросить — концертировали ли наши земляки, ученики Столярского, в Брюсселе открыто и слышали ли вы их?.. Из пяти лауреатов четыре ученика Петра Соломоновича. Сам он приезжает в Москву чуть ли не с 48 учениками, целый оркестр, здесь будет концерт в консерватории, обязательно пойдут".

Успенское, 26 апреля 1937 года: "В Москве теперь "смотри юных талантов"; позавчера с большим успехом выступала школа Столярского; у него в запасе не один еще Ойстрах и Гилельс — я всех их слышал у него на дому в Одессе, поэтому не пошел на концерт. К старику собирается Катя: он стал много величественнее, чем раньше, и еще смешнее; преподаватель же действительно гениальный. Слышали ли вы остальных трех скрипачей? Не знаю, была ли на концертах мама — ведь это частица самой живой Одессы..."

1 мая 1937 года: "Узнаю, здесь ли еще Столярский; если не уехал, зайду к нему".

Переделкино, 24 мая 1938 года: "Интересно, были ли вы на конкурсе пианистов? В наших газетах печатают подробные отчеты. Гилельс, конечно, наш земляк, старший брат скрипачки Лизы Гилельс, ученицы Столярского. Надо думать, Одесса не осрамится..."

Как ученик игре на скрипке, Бабель не принес Столярскому славы. Но как писатель, он запечатлел образ маэстро в рассказе с символическим названием "Пробуждение". Главный смысл этого "пробуждения" состоит в осознании юным героем (и, разумеется, самим Бабелем) собственного призвания и в желании во что бы то ни стало этому призванию следовать.

Автор всех фотографий Макс Поляновский.

Одесса, 1923 год. Сидят (справа налево) Давид Ойстрах, П.С. Столярский, С. Фурер. Стоят — Марк Затуловский (справа) и В. Мордкович, концертмейстер Тбилисской оперы

Проф. П.С. Столярский (слева) и его ученик Давид Ойстрах, профессор Моск. гос. консерватории. Стоит — Лев Закс, скрипач, один из лучших учеников Д. Ойстраха.

Одесса, 1929 г. Справа налево сидят — Зильберштейн, П.С. Столярский, Мих. Гольдштейн, Н. Бутылькова, Левин, Титель. Стоит — пианист Портер. Нижний ряд. Сидят справа налево — Буся Гольдштейн, Миша Фихтенгольц, Лиза Гилельс и Миша Гольдштейн (брат Буси)

Федор РЮХЕЛЬ

Два рассказа об одном и том же

У Бабеля есть рассказ, как бы неизвестно зачем написанный. Где вавилонская пестрота бабелевских персонажей, говорящих на одесском языке, возникшем после смешения прочих языков, где многоцветные фрагменты осевшей Вавилонской башни, этого неоконченного долгостроя, что не устоял на берегу, неизменно сползающем в море?

В нём нет ни галантных налётчиков с Молдаванки, в ритме "7:40" постреливающих из револьверов так, чтоб, б-же упаси, не повредить живых людей; ни чистоплотных красных конников, могущих зарезать еврея, даже не забрызгавшись; ни лицезрения девичьих тайн, подсмотренных сквозь щёлку, зрелища, за которое в прежней России судили по статье 1001 нескончаемого, словно рассказы Шахерезады, уложения гражданских законов; нет и воспоминаний о собственном детстве, горьких, как излишний желудочный сок. В нём нет ни слова про канареечно-жёлтое счастье глухих еврейских местечек, ни даже о том, какой ценой оплачена коллективизация и сколь хорошо живётся в новой советской деревне. В общем, ничего, чтобы можно было сказать: это — Бабель. И даже сердобольная русская женщина не будет довольна, прочитав этот рассказ перед сном.

Автор и сам мало ценил его, о чём сообщал в письме родным: "Удивляюсь тому, что в зарубежной прессе пишут о таких пустяках как "Карл Янкель". Рассказ этот неудачен и к тому же чудовищно искажен. Я уже, кажется, писал вам, что его напечатали по невыправленному тексту (черновому) с ошибками, совершенно уничтожающими смысл".

И это странно. Потому что Бабель, который писал медлительно и долго, мог отложить в сторону куда более удачную вещь. Но закончить рассказ посредственный и отдать его в журнал, где ни до, ни после того не публиковался, а потом включить в сборник рассказов — что-то, да значит. Бабель не любил печатать и вещи, ему удавшиеся, и представляется, кабы не деньги, вернее, постоянная, хроническая их нехватка, не печатал бы и совсем ни строки. Наблюдать бы, обдумывать, записывать. И складывал рукописи в сундук.

Рассказ будто и примыкает к череде "Одесских рассказов", и отличен от них, не схож. Сюжет его дробен и обстоятелен, утверждён во времени, чего не скажешь о сюжете рассказов "Король", "Как это делалось в Одессе" или "Фроим Грач", дробностью ближе он к поздним рассказам, наподобие "Гапы Гужвы" и "Колывушки", однако дикий диалог открытая концовка, меланхолическая риторика с проблиском тоски не характерны и для них.

Вот этот сюжет в кратком изложении. Без разрешения отца ребёнка, глупого заготовителя, старательно вписывающегося в новую действительность, только заручившись молчаливым согласием недавней роженицы, бабка призвала оператора, такого старинного, что, чудится, это он своим инструментом отделил свет от тьмы, и младенцу сделали обрезание, после чего тот получил вдобавок к первому имени, данному в честь основопо-

ложника марксизма-ленинизма, второе, традиционное. Возмущённый отец жалуется по инстанциям, власти устраивают показательный суд, дабы неповадно было сеять религиозный дурман и придерживаться древних обычаев. Раввины, комсомольцы, прокурор и общественный обвинитель — эти ходатаи разных сторон, предстали различных мировоззрений и жизненных позиций — сошлись в зале суда.

Но концовка рассказа, которая известна значительно больше, чем сам рассказ, ставшая и цитатой, и присловьем, и названием книги Ростислава Александрова, посвящённой истории родного города, концовка эта подсказывает — что-то не так, автор хотел говорить об ином и не решился сказать напрямик или не захотел это сделать. Кто читал "Одесские рассказы", должно быть, помнит, насколько погружён рассказчик в хитросплетения немудрёной и причудливой жизни своих персонажей, и не зря художник, иллюстрируя этот цикл, изобразил Бабеля рядом с Арье-Лейбом, они удобно расположились на солнце под морским ветерком, отдувающим излишнюю жару. И потому непривычен голос рассказчика, тронутый усталостью, незнакома интонация совсем стороннего наблюдателя: "Из окна летели прямые улицы, исхоженные детством моим и юностью, — Пушкинская тянулась к вокзалу, Мало-Арнаутская вдавалась в парк у моря.

Я вырос на этих улицах, теперь наступил черед Карл-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня.

— Не может быть, — шептал я себе, — чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня..."

Диспут о древнем и новейшем не кончен. Могут ли уживаться, сойдясь в человеке, сразу два или три начала, кто знает? Но диспут в зале суда — это частности. Главное сосредоточено за сюжетом, втиснуто порой между строк или вставлено после точки, знака окончательного препинания, когда одно предложение бесспорно завершилось, а другое ещё не возникло. И пока знатоки и неопиты спорят о выгодах и убытках бриса (точно возможен ущерб от обмена кусочка плоти на причастность к тысячелетней культуре, ведь это залог, правда, безвозвратный) и демонстрируют выгоды на собственном примере, потому что лучше раз посмотреть своими глазами, чем всю жизнь слушать чужие рассказы о том, чего никогда не видел, говаривала жена праведника Лота, следует пояснить, что же стоит за словами, втиснулось между знаком препинания, который отметил завершение мысли, и маюскулом, опять зовущим к размышлению.

Там культура не тысячелетий, а молодая, советская, начинающаяся, кроме прочего, с рассказа Всеволода Иванова "Дите", сюжет которого проще и короче сюжета бабелевского рассказа.

Красные партизаны застрелили двух людей в белогвардейской форме, один из которых

оказался к тому же бабой, и на беду свою обнаружили в бричке убитых младенца. Его, как не вступившего в классовую борьбу, оставили покуда жить.

А для того, чтобы младенец не истаял от голода, умыкнули киргизку с грудным ребёнком, каковую содержать легче и дешевле, чем корову или другую скотину. Так бы и шло, но мужики заметили, что киргизёнок упитанный и весёлый, а младенец родного вероисповедания худ, вроде как бы киргизка его недокармливает. Свешали младенцев — киргизёнок перетянул. Тож непорядок: "По-моему — русскому человеку пропадать там из-за какова-то немаканова..."

И тогда киргизёнка отвезли в степь, чтобы обе груди с насущным молоком доставались привеченному мальцу: "Дня через два стояли мужики у палатки на цыпочках и чрез плечи друг друга заглядывали вовнутрь, где на кошме киргизка кормила белое дите.

Было у киргизки покорное лицо с узкими, как зерна овса, глазами; фаевый фиолетовый кафтан и сафьяновые ичиги-сапожки. Было дите личиком в грудь, сучило ручонками по кафтану, а ноги мотались смешно и неуклюже, точно он прыгал".

Вот и весь рассказ. Виктор Шкловский сравнивал его с новеллой Брета Гарта "Счастье Ревущего поселка", выходило сравнение в пользу местного писателя. Нравился, как утверждают, этот рассказ и товарищу Сталину. Что же, нарком по делам национальностей знал, как следует решать национальный вопрос и ради чего.

Нравился ли рассказ Бабелю — неизвестно. Но он товариществовал со Всеволодом Ивановым. Приятельство длилось до поры, пока связи не порвались. Женщина, на которой Бабель собирался жениться, стала женой Всеволода Иванова, а ребёнок его, Михаил, долго не знал, что Всеволод Иванов ему не родной отец.

Какие чувства испытывал Бабель? Уж, верно, не сентиментальные, хотя писал роженице на следующий день: "Вчера, 13 июля (по старому стилю 30 июня), был день моего рождения, и парень этот родился 30 июня. Как я ни далек от фатализма и суеверия, но перст божий указывает здесь ясно — удивительное совпадение и трогательное".

Писал, а взглянуть на своего первенца не поехал, обстоятельства не способствовали. Собирался долго, а когда собрался, видется с ребёнком ему запретили. Тогда и появился в журнале "Звезда", № 3 за 1931 год, рассказ "Карл-Янкель". Под рассказом обозначена двойная дата: годы 1924 — 1929. Насколько датировка точна, надо судить по такому эпизоду. Покамест шли суд да дело, выслушивали свидетелей и обвиняемых, рассказчик выбрался в коридор: "Дверь из красного уголка была приоткрыта. Оттуда доносило кряхтенье и чавканье Карл-Янкеля. В красном уголке висел портрет Ленина, тот, где он говорит с броневика на площади Финляндского вокзала; портрет окружали цветные диаграммы выработки фабрики имени Петровского. Вдоль стены стояли знамена

Михаил Иванов. Автопортрет

и ружья в деревянных станках. Работница с лицом киргизки, наклонив голову, кормила Карл-Янкеля. Это был пухлый человек пяти месяцев от роду в вязаных носках и с белым хохлом на голове. Присосавшись к киргизке, он урчал и стиснутым кулачком колотил свою кормилицу по груди.

— Галас какой подняли, — сказала киргизка, — найдется, кому покормить...

В комнате вертелась еще девчонка лет семнадцати, в красном платочке и с щеками, торчавшими, как шишки. Она вытирала досуха клеенку Карл-Янкеля.

— Он военный будет, — сказала девчонка, — ишь, дерется...

Киргизка, легонько потягивая, вынула сосок изо рта Карл-Янкеля. Он заворчал и в отчаянии запрокинул голову — с белым хохлом... Женщина высвободила другую грудь и дала ее мальчику. Он посмотрел на сосок мутными глазенками, что-то сверкнуло в них. Киргизка смотрела на Карл-Янкеля сверху, скосив черный глаз.

— Зачем военный, — сказала она, поправляя мальчику чепец, — он авиатор у нас будет, он под небом летать будет..."

Михаил Иванов стал художником, одним из лучших мастеров московской школы живописи, собственноручно, и начинавшейся, в том числе, с него. В конце жизни он говорил, что хочет сменить прежнюю фамилию на фамилию Бабель. Успел ли он это сделать — неизвестно.

Следовало бы, наверное, посвятить этот очерк памяти Александра Розенбойма, летописца одесской культуры, но я посвящаю его Насе Ивановой, которой описываемые здесь события и перипетии, быть может, неведомые, кровно близки...

Евгений УШАН

Стихи для детей и не только

Метеорит

Если шея и уши у вас в чернилах,
А вода в корыте остыла —
Забирайтесь на крышу
вместе с корытом
И ждите падения метеорита.
Когда он плюхнется и воду
согреет, времени не теряйте:
Мыльной мочалкой потрите шею,
А уши пемзой подрайте.
А когда отмоете
чернильные пятна,
Звёздного пришельца в небо
бросьте обратно -
Ведь если на всех
не хватит метеоритов,
Сколько детей
останется неумытых.

Болтливые ноги

Говорить не могут ноги,
Им положено молчать —
Ноги могут по дороге
За грибами в лес шагать.
Топать в валенках по снегу,
Мчаться по пляжу босиком,
Могут прыгать, могут бегать,
А устав, идти пешком.

Говорю я это маме,
А она ворчит опять:
— Перестань болтать ногами.
Сколько можно повторять?

Бегемот

Однажды очень юный,
Но смелый бегемот
По трапу судовому
Взошёл на пароход.

— Возьмите меня в плаванье, —
Сказал он капитану, —
Хоть юнгой, хоть матросом,
Мне, право, всё равно.
Хочу я в шторм качаться,
Услышать крики чаек.
И айсберги увидеть
Мечтаю я давно.

Но капитан сказал ему:
— К большому сожалению,
На всех постах и вахтах
Заполнены места.
Но если вы так просите,
Могу я вас зачислить
На должность судового
Дежурного кота.

— Но это удивительно! —
Воскликнул бегемот.
— И даже оскорбительно, —
Добавил бегемот.

— Ну, словом, возмутительно,
А впрочем, восхитительно,
Ведь я буду не просто,
А корабельный кот.

Служил он, как положено:
Мурлыкал, если гладили.
Пил молоко из блюдца,
Бежал на зов: "Кис-кис!"
Имел одну лишь слабость.
Малюсенькую слабость,
Простительную слабость —
Боялся очень крыс.

Осьминожка

У мамыши-осьминожки
Восемь славных малышей —
Всех корми сама из ложки,
Всех обуи и всех обшей.

Погуляй со всеми в срок,
Испеки в обед пирог —
День и ночь в заботах мама,
Не хватает рук и ног.

А со стиркой осьминожке
Просто сушая беда —
Негде высушить одежды,
Ведь кругом одна вода.

Всадники

Два всадника мчались,
пришпорив коней,
Чтоб выяснить — кто же
наездник сильней?

Но миля за милей тянулся их спор —
Шли кони бок о бок,
не слушаясь шпор.

Что только ни делали двое друзей:
Хлестали лошадок, кричали: "Эгей!"

Но кони упорно, опять и опять
Шли рядом,
в обгон не желая скакать.

Решили друзья,
утомившись с борьбой:
"Победы мы оба достойны с тобой!"

И, вынув
из тесных стремян башмаки,
Сошли с... карусели друзья-чудаки.

Лев

Вадик в Африку играет:
Притаился у двери
И рычит, родных пугая,
Словно грозный царь зверей.

Но в раскрытое окошко
Жук влетел и стал жужжать —
Испугался "лев" немножко
И забрался под кровать.

Мама очень удивилась:
— Что-то в Африке случилось.
Не видала я пока
Львов, бегущих от жука.

Но сказал с обидой Вадик:
— И совсем я не бегу,
Просто я сейчас в засаде —
Антилопу стерегу.

Гуськов

— Гуськов, почему ты на занятиях
пришел с обезьяной?
— Вы же сами велели
в класс притащить павиана.
Вы сказали, что без родных
не пустите меня на уроки.
Вот я и пришел с родственником,
хотя и очень далеким.
— А ты знаешь, Гуськов,
как поступок твой называется?
— Да Вы не бойтесь, Ольга Петровна,
Павиан еще маленький,
он не кусается.

Евгений ПЕРЕМЫШЛЕВ

Что у них опять стряслось, в этом Валиховском переулке?

У одесских песен — жанр весьма условный, но популярный и узнаваемый — имеется диковинная особенность. Безразличные к координатам времени настолько, что запечатлённую в них эпоху приходится уяснять по второстепенным подробностям, вещным деталям, они скрупулёзно точны в определении места действия. И тем уникальны.

Не назову песен фольклорных или квазифольклорных, где упоминались бы Невский либо Литейный проспект, Малая и Большая Морские, прямые линии Васильевского острова. Из воспетых московских топонимов всплывают в памяти только "Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской..." (маршрут своеобразный, хоть и понятен: катит, голубчик, из "Яра", где прогулялся в прах, а на последнюю, да на пятёрочку грех поберечься, взял тройку, колокольчик звенит под дугой). Кажется, и всё. Русская народная песня указывает место действия в общем и целом, применительно к масштабам окружающего пространства: "На муромской дорожке...", "Есть на Волге утес...". Или так: "По диким степям Забайкалья...". Вернее некуда. Но одесские песни резко и отчетливо районированы. "На Молдаванке музыка играет...", "Мясоедовская улица моя...". И даже ещё точнее, можно обвести кружком на карте с подходящим масштабом: "Как на Дерибасовской угол Ришельевской..."

Сила эта центристическая, и столь характерен приём, что в песнях, заимствованных одесским фольклором и присвоенных навсегда, чужие названия подменяются местными. Кто помнит, что, согласно первоисточнику, открылась пивная не на Дерибасовской, а на Богатынской, то есть и не в Одессе, а в Ростове-на-Дону, прямо супротив тюрьмы, лишь перейди дорогу? Кроме того, о становлении песни резонно судить по музыке. Это же танго "El Choclo", сочинённое в Буэнос-Айресе в начале века (прошлое, следовало бы отметить, но этот век — основная часть моей жизни и потому будто длится, а нынешний — и не в счёт), благополучно присвоенное в Париже в 1913 году, там и тиражировано, перепёртое с испанского языка. В русском изводе под французскую как бы мелодику пела его Иза Кремер и в столице, и в первопрестольной, и в Одессе. Это было "Аргентинское танго", другое название — "Танго смерти".

Тем не менее, музыкальная основа песни "На Богатынской открылась пивная" взята почти наверняка с грампластинки, которую привезли если не из Польши, то из лимитрофов, где танго было записано, опять-таки, после очередного заимствования. Парижский будто оригинал не очень и перелицован безвестным польским, возможно, латгальским композитором. Практика малопочтенная и распространённая. А тутешние мастера скрипичного разводного ключа и камертона, взяв лимитрофную музыку и оркестровыв с учётом здешних реалий и вкусов, выдали за свою. Работа текстовика придала краше законность. Мелодия, добравшаяся не столь кружным путём, всего с двумя пересадками, по маршруту Аргентина — Франция — Россия, послужила основой для песенной реплики, обращённой к переложению. Источник указан: "Зачем, скажите, вам чужая Аргентина?". А дальше повествуется о дочке каховского раввина Енте, словно шёлковая лента, тонкой и, словно шёлковая лента (как развязываются эти ленты, не удержать никаким узлом!), своеобразной. Но и там, и тут, и здесь ритмическая основа — танго, пусть с вариациями, определившими стихотворный размер и форму исполнения. Публика, однако, глуха, словно ей на ухо наступил Бетховен, ей ли отделить танго от фокстрота, музыки клезмерской, интонации канторской.

И, завершая сюжет в сюжете, взглянем, как менялся исходный текст, по-своему и сомнительный, и зыбкий. Улица с таким названием никогда не существовала. Были в Ростове Богатынский спуск, Богатынский переулочек, а район, получивший наименование по кринице, откуда, похваливая богатый кладёз, пил, согласно легенде, сам Пётр I, звалась Богатыновкой. С диковинным упорством автор текста — ведь имелся такой — держится за вздорную мелочь. Сменить единственную букву в окончании, й на м, и точность соблюдена, пивная, клануться старожилы, располагалась именно в переулке. Подкоротить слово, приладив е, смысл опять не пострадает, останется верен действительности. Но сочинитель — человек, скорее, пришлый, основывался не на собственном опыте, работал понаслышке.

При заимствовании этого песенного шедевра всё было вовсе наоборот. Локус обозна-

чен твёрдо и прямо, как требует поэтика жанра, что соответствует обыкновенно горожан, живущих с порта и мимо таможни. Выделанные на родной земле товары они выдают за контрабанду (классический образец контрафакта), товары, ввезённые беспощадно, обандероливают, снабжая акционными марками. И так, Дерибасовская. Мало что это улица — одна из центральных, средоточие шикарных магазинов, первоклассных ресторанов, раздолье для чистой публики (даром ли заезжий москвич дивился бесконечной ширине одесских тротуаров). И даже беря во внимание, что песня сочинена и присвоена в советские времена, когда ни магазинов, увы, ни ресторанов, ах, на ней больше не было — так, какие-нибудь столовая номер бис, лавка по продаже изделий туземной промышленности; память жила. Дерибасовская! Это не Канатная, не Военный спуск. Пивная, да ещё с таким сомнительным контингентом? Извольте — Базарная, извольте — Ремесленная, стык Дальницкой и Балковской улиц. Но частности в сторону, ради целомудрия жанра, топонима в истинном виде.

И вот очередной топоним, значение которого слушателю вряд ли и ведомо. По крайней мере, широкому слушателю. А непонимание есть первая ступень к забвению. И как тогда с поговоркой о песне, откуда слова не вынуть?

В Валиховском переулке — Там убитого нашли. Был он в кожаной тужурке, Восемь ран на груди. На столе лежит покойник, Тускло свечи горят. Это был убит налетчик, За него отомстят. Не прошло и недели — Слухи-толки пошли: В Валиховском переулке Двух лягавых нашли...

Танцевально-песенный номер "Налётчики" исполнялся в кабачке "Взятие Дарданелл". Но Филипп, по обстоятельству образа действия бандит и свободный анархист по самоаттестации, заявивший, что так поют в самотаге, знал, что к чему (хотя и умолчал о том, как танцуют). Чутким слухом налётчика он уловил сущность мелодии. Вслушайтесь, это ж канторская традиция, нашедшая отражение и в безнадзорном фольклоре, и в советской массовой музыке.

Неведомо, кто сочинил песни "В Валиховском переулке..." и "Гром прогремел, зоряция иди..." для пьесы "Интервенция". Может, и сам драматург, который ни стихов, ни песен будто бы не писал. И если вторая из них — пародийная стилизация, пастиш, то первая, несомненно, "одесский жанр", квазифольклор, который создавали высокие профессионалы, казавшиеся скромными ремесленниками, Яков Ядов, Моисей Ямпольский, и оказавшиеся на деле малыми классиками рядом с классиками покрупнее — Катаевым, Багрицким, Ильфом и Петровым. И будто предание из "Агады" либо иного подобного свода, воспринимается эпизод из потёмков отечественной истории. Сидевший за столиком по соседству незнакомец посетовал вслух, что ему не пишется, творческий кризис настал после высочайшего взлёта. Бабель и Олеша заинтересовались, что такое написал их случайный конфидент. И тот ответил — ну как же, песня "Ужасно шумно в доме Шнеерзона". Бабель и Олеша поняли, что беседуют с настоящим талантом, и выразили искреннее почтение.

Но кто бы ни был автором песни про события, имевшие место в Валиховском переулке, текст её выполнен по строгим канонам. Сюжет ультимативно локализован, топоним выдвинут в самое начало первой строки. Кажется, автор чуть кичится своим мастерством. Гордость его справедлива. Короткое словосочетание даёт знатоку одесских реалий не элементарный топос, но прямо-таки — хронотоп.

Переулочек назван по имени чтимого одесскими соотечественника. Леопольд Валих, крупный негодяй, оставил городу здание, где помещался его магазин (сиречь амбар или склад), с тем, чтобы в здании этом была учреждена городская богадельня. Надо заметить, в памятной надписи, украшавшей фасад означенного заведения (и присутствие такой надписи обоснованно, если помнить, что и вдова покойного завещала на обустройство богадельни около 300000 франков), фамилия благотворителя была написана с лихвой, через два л, рядом указан год — 1896. Затеили-

вые формы благодарности — и не совсем верное начертание фамилии мецената, и употребление её в качестве топонима. Особенно учитывая, что после возникновения своего (было тут доселе пространство, именовавшееся Безыменной площадью, часть которого занял впоследствии комплекс зданий университетского факультета медицины) звалась мостовая, окружённая строениями, улицей, потом недолго — переулком, опять — улицей, вновь — переулком. Впрочем, источники и затем давали порой двойное наименование: Валиховский переулочек-Безыменная площадь. А там названия запрыгали чехардой: Клинический, Медицинский, Нариманова.

Названия специфические, ибо здесь располагались теперь и анатомический театр, и морг, а также открытая в 1903 году станция скорой помощи, вторая в России и первая, откуда выезжали к пациенту по вызову.

Средоточие угрюмых и скорбных учреждений, тяжёлые ассоциации, замысловатая в плане фигура (переулочек/улица начинались длинным отрезком, сворачивали почти под прямым углом, продолжались, чтобы опять свернуть под углом и закончиться отрезком коротким) формируют и сюжет песни. Библейское "око за око" (зло осмеянное Шекспиром в комедии "Венецианский купец") обнаруживает своё скупердяйство на фоне природной широты одесситов: смерть налётчика оплачена смертями двух служащих правоохранения.

Судя по упоминанию кожаной тужурки, детали гардероба достаточно определённой, это революционное десятилетие. Рабочая одежда лётчиков и автомобилистов после зимней русской революции вошла в моду. Кожанками, крагами, высокими сапогами поскрипывали комиссары (они возникли ещё при Временном правительстве), начальники среднего ранга, чекисты, а также Яков Свердлов, который и стал застрельщиком этой моды среди однопартийцев. При какой власти происходили события, установить труднее. Власть в Одессе менялась великое множество раз, пока бригада Котовского не вытеснила из города последних узурпаторов и не утвердилась законная — советская. Термин "лягавый" помогает отчасти локализовать во времени описываемый казус. Так звали сыскных агентов и при царском режиме. По инерции слово это существовало и дальше (вместе со словом "мент", также наследием проклятого царизма, сменившим, однако, значение), но вот самих налётчиков после денной и ночной работы откомандированных из центра чекистов к 1926 — 1927 годам в городе практически не осталось, хотя и случались рецидивы. Следовательно, разворачивается краткий, но брутальный сюжет песни не прежде 1917 года и не позднее 1927-го, когда в Одессе имелись и крепкая администрация, и органы сыска при ней. Моменты, когда город был занят петлюровцами и григорьевцами, можно исключить.

Теперь же следует вслушаться не в мелодику, но в слова. Разве ничего не напоминают "восемь ран на груди", столь картинные, что кажутся прямо-таки украшением, дорогой бижутерией? Эти избыточная красочность, нарочитая живописность известны по рассказам Бабеля, апокрифиста, мифотворца: "...они были затянуты в малиновые жилеты, их плечи охватывали рыжие пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури".

И сама коллизия будто взята из "Одесских рассказов", где есть эпизод с назначением пристава, "новой метлы", заматающей по чужим сусекам, и эпизод его посрамления, описание налёта, повлекшего смерть приказчика Мугинштейна, злосчастного сына куриной торговли тети Песи, и наказание виновного. И воплощённая справедливость, и расплата за грубую ошибку, и кара за предательство.

Кроме того, интонация, вполне домашняя и патетическая (на громкой ноте говорят в любом одесском дворе о самых простых вещах, ибо в апокрифической Одессе нет будней, есть только малые и большие праздники каждый день, а в субботу тем паче), отмечает: это дела семейные, провинившийся будет наказан, страждущий — вознаграждён. Исследователи указывали — в пореволюционное десятилетие возникло небывалое хитросплетение, сращение властных структур и преступного мира. Какой-нибудь начальник районной милиции мог организовать шайку из подчинённых милиционеров и должных быть искоренёнными ими бандитов, иным шайкам покровительствовали чины и в милиции, и в ЧК. Возможно, что песня рассказывает не о противостоянии власти и беззакония, но о любовном объятии их. Прощтрафился ли налётчик, обмишурились ли слуги правоохранения, они заплатились, и жизнь продолжается сызнова.

Песня "В Валиховском переулке...", кто бы ни был её автором, это версия одесского мифа о благородных налётчиках, их вселили, особым чувстве юмора. Ведь в упомянутом переулке нет ничего такого, что могло бы заинтересовать мало-мальски приличного бандита, ничего, что стоило бы интереса двух служащих правоохранения. Заинтересовать, добавлю, живые и в добром здравии (разве что студенческая столовая, расположенная прямо напротив морга).

Думаю, раненого налётчика доставили сюда и оставили на виду, поскольку именно здесь располагалась станция скорой помощи, и скончался он, не дождавшись вмешательства лекарей (восемь ран на груди — немало, особенно, когда смерть требуется по сюжету), а "лягавые" оказались тут, в свою очередь, ибо Валиховский переулочек — средоточие различных медицинских заведений, работающих как in vivo, так и in vitro, о чём упоминалось выше.

Это справедливость, в разумении её Бенеи Криком, бандитский шик, бандитское сострадание (см., например, рассказ "Как это делалось в Одессе"), бандитское правосудие (см. рассказ "Справедливость в скобках").

А перед тем, как свернуть за угол и отправиться восвояси по спуску Маринеско (вот ономастический аметист — городской спуск назван именем подводника), надо заметить, что песня "Гром прогремел, зоряция иди..." насмешливо пародийна. Налётчик Филипп прорычал её в кабачке "Взятие Дарданелл", когда по одесским улицам и бульварам шагали патрули Антанты, то есть до третьего пришествия советской власти в Одессу следовало пока дожидаться. Был Филька-анархист потрясён до глубины души предыдущими её визитами (губернский розыск — организация абсолюто советская) или острым нюхом налётчика почуял, откуда задувает революционный ветер, он был прав. Конники бригады Котовского уже навострили шашки. Советская власть приближалась.

Валиховский переулочек начала века. Фото предоставлено проектом OLD.ODESSA.UA

Писатель Андрей Дмитриев. Жизнь между Украиной и Россией

15 апреля завершится прием прозаических текстов на соискание Одесской международной литературной премии им. Исаака Бабеля. Редакция "Зачем" встретилась с председателем жюри премии — писателем, сценаристом Андреем Дмитриевым. Говорили о городе-курорте Киеве, об украинском шансе, о роли больших литературных премий в литпроцессе и о том, что Прилепин — не Толстой.

— Андрей Викторович, вы переехали в Украину осенью 2012 года. Чем вас встретила страна? Адаптационный период был долгим?

— Очень хорошо встретила меня Украина. Это было легко. Я приехал в Киев, не то чтобы имея предубеждения, но зная о предубеждениях других в России. И я встретил здесь очень добродушных людей, спокойных, расслабленных. Как мне сказал потом известный украинский журналист: "Киев не способствует работе. Это город-курорт для русского человека". И было именно ощущение курорта. Надо было себя заставлять работать. Выходишь из дома, гуляешь, все улыбаются, прекрасный климат, все дешево. Восхитительный город, а уж я повидал городов. Город свой. Я в него окупился сразу. И мне повезло со средой, меня приняли самые разные люди. Журналисты, известные ученые, издатели, поэты, кого-то я из них знал заочно и до того. Но возникла сложность, которая остается со мной и по сей день. Дело в том, что я человек со стороны, который должен с этой средой ужиться, уважать ее, пытаться понять ее, но я ничего не могу сделать с тем, что кто-то в этой среде — в силу обстоятельств, поступков, политической позиции — любит или не любит друг друга. Это очень сложная среда. А люди хотят видеть в других союзников. И по сей день мне трудно выдерживать позицию, с одной стороны, стороннего, а с другой стороны, сочувствующего наблюдателя. Я не сторонний человек, и я не хочу всем понравиться, мне дорога эта жизнь, дороги эти люди. Я уже могу дать какие-то оценки происходящему, в своем понимании, но общение мое трудное. И я настроился на преодоление сложностей. С друзьями у меня иногда происходят взрывные ссоры, для меня это означает, что я уже свой.

— А профессионально как это складывалось? Вы приезжали на готовое рабочее предложение?

— Дело в том, что я, как сценарист, могу писать что угодно на любые темы в любом жанре, но это нельзя перенести на прозу. Любый мало-мальски серьезный прозаик всю жизнь пишет одну книгу, развивает некие смыслы. И я, скорее, избыл уже предания своего детства и юности и все, что с этим связано. А когда я переехал в Киев, начались такие события, которые вышибли меня из профессиональной колеи полностью. И сейчас мне приходится переосмысливать и мир, и жизнь в нем с нуля. Я пишу два романа, пишу очень медленно. Как мне сказал Леонид Генрихович Зорин, автор "Варшавской мелодии", пишущий в свои 92 года до сих пор: "Как тебе повезло оказаться в это время в Киеве. Писателю — оказаться на краю такого кратера. Тема этого кратера должна стать твоей главной книгой". А я не знаю, станет ли эта книга главной, напишу ли я ее вообще. В какой-то момент на меня вдруг начала давить моя собственная профессия, потому что в известном смысле я оказался не готов к подаренному мне судьбой материалу и набору смыслов. Почему не готов? Потому что все равно я не все здесь понимаю. А параллельно на меня давит то, что происходит в России. Потому

что она мне точно не чужда. И я понял, что мои темы, мои персонажи, они просто теперь не работают. Так вышло, что мои персонажи и значительная часть моих читателей — это простые люди с севера-запада и севера России, но на данном этапе я не хотел бы с ними даже общаться. Мой родной город — Псков, где расположена Псковская дивизия, там хоронят русских солдат без фамилий... Это же мой мир. Город моего детства.

Выходит, что здесь я живу, и еще не все понимаю, и нахожусь под определенным прицелом у людей. Все это — набор очень сложных переживаний. Это не только чувственные взрослые и детские волнения, это серьезные переживания, как вообще оставаться в профессии. Речь идет о социальном самоприменении.

Почти сразу после приезда в Украину мне предложили в издательстве "Лаурис" побыть редактором, и какое-то время я им побыл.

— То есть Киев — это было по любви?

— Конечно, по любви! Я приехал в Киев по личным мотивам. Потом личные мотивы отпали. Но я в момент огляделся и понял, что мне в Киеве хорошо. Меня устраивала среда. Хотя отношения здесь запутаны даже между собой. Безумно красивый город, а я провел детство в безумно красивом Пскове. Человек, который провел детство в красоте, совершенно по-другому смотрит на место, в котором он живет. И в котором он оказывается. И для меня всегда было крайне важно оказаться в красивом месте. Я жил в Москве с двенадцати лет и в Москве далеко не сразу обрел друзей. Истории одиноких прогулок из романа "Крестынин и тинейджер" — это про меня.

— У вас был сложный характер в подростковом возрасте?

— Характер у меня был простой. Но история была тяжелая. И это тоже я все проживал и описывал. Человек попадает в школу, а школа — полууголовная бурса. Я целый год проходил по городу пешком, один. В школе никто не заметил моего отсутствия. Шел 69 — 70-й год. Уже в конце учебного года, в мае, случилось прозрение по поводу отсутствия одного ученика. Скажу, что я не сразу ушел "гулять". Сперва я походил, принимал участия в драках, но мне быстро надоело каждый день драться, даже если это я когда-то поколотил. Я выходил из дома и гулял по Москве с полтинником в кармане на школьные пирожки. Я изучил город так, как никто. Моему книжному персонажу повезло больше, чем мне: зимой он заходит погреться в торговый центр. Но в мое время торговых центров не было.

— И как выглядела реакция родителей на ситуацию?

— Маму вызвали в школу и сказали: "Он не учился целый год. Что будем делать?" Меня, конечно, никто слушать не стал бы. Потому что работала установка, что учитель всегда прав. И как бы все закончилось, еще неизвестно. Но мама, пока поднималась со мной на пятый этаж к директору школы, как опытный учитель, учивший даже уголовников и надзирателей в вечерней школе, она очень быстро и четко оценила обстановку учреждения. Мне

на это понадобилось два месяца, прежде чем я ушел на улицу. Она вошла в кабинет директора и сказала: "Где документы моего сына?" Через четыре дня пришла проверка, и из школы уволили половину персонала, включая директора. Степень уголовщины в школе зашкалила. Под партами у любого шестиклассника была чекушка водки.

— И заточки?

— Кастеты. Заточки — это было бы совсем страшно. Чекушка водки и соломинка.

— Портили статистику по раннему циррозу печени.

— В основном все заканчивалось колонией. Поэтому у меня есть свои требования к городам и весям. И спустя столько лет я оказался в Киеве. Я здесь за пять лет ни разу не заболел простудой. Абсолютно мой климат. Прекрасная еда. И ритм Киева моей литовской частице по материнской линии очень близок. Я долго думал, что меня сюда привело. И вспомнил, хотя зацепка мне и не была нужна, что почти весь еврейский клан по линии отца (с ними я практически не имел дела, они жили очень обособленной жизнью) жил в Киеве. И только в семидесятые годы переехал в Нью-Йорк.

— Вы родились в Питере, Одессу не рассматривали как место обитания?

— Впервые в жизни я появился в Одессе в составе издательства "Лаурис" на фестивале "Зеленая волна" в 2013 году. И довольно быстро обрел там друзей.

— С кем дружите в Одессе?

— С Валерием Хаитом, с Витей Зонисом нас судьба свела однажды в одной каюте, когда мы плыли на пароме из Черноморска в Батуми. Более того, как когда-то я думал, что никогда не буду в Париже, а потом Париж мне надоел, так же я не предвидел, что когда-то попаду в Одессу. А потом стал приезжать туда не в сезон, кажется, в ноябре, и даже тогда это было очень хорошо.

— Сейчас многие уловили это чувство глубокой одесской несезонной осени. Пустые улицы, пляжи, и кроме рыбаков, которые ждут своего бычка, некому испортить пейзаж. Это была минутка рекламы перед туристическим сезоном. С чем вы столкнулись в Украине за годы жизни здесь — из того, чего никак не ожидали от этой страны?

— У меня не было особо никаких представлений. Поэтому внутренней сшибки у меня не было. Кроме того, у меня настолько было сильное впечатление от Украины вообще в первые же месяцы пребывания, что это вызвало целую волну сочувствия. Когда началась война, то меня удивляла не Украина. Меня в Украине поразила удивительная терпимость. Если знать, что происходит с гражданами страны, в отношении которой начинают агрессию, понимать, как это происходит, то это немислимая терпимость. Это многослойный вопрос. Но в любом случае — я ни разу, даже в самое страшное время, я имею в виду 2014 — 15 годы (а я не скрываю, откуда я, что я гражданин России, что я москвич и москаль, меня легко узнают поговору), не нарвался на проявления агрессии или хамства. Но в людях скопилось столько напряжения, что я переживаю за будущее страны, в которой живу. Люди, которые сейчас при власти, своими решениями и действиями вполне могут создать серьезную ситуацию для полного разрыва страны. И все это происходит очень грубо, и мне кажется, что простые люди ничего не понимают. Дело касается не только опасности принятия закона о языках. Дело в том, что есть ощущение, что кто-то внутри страны хочет поплясать на руинах, а линий разломов и противоречий огромное количество. Есть серьезный вопрос конфессий. В стране уже исчезли плакаты "Єдина країна". Мы подходим к очень опасной точке. Абсолютно проигрышной для Украины во всех смыслах. Мне бы не хотелось, чтобы надежды Украины на украинский шанс не оправдались. В таком случае и у России не будет шанса. И несмотря на все это, мне здесь намного проще жить и работать. И я не спеша пишу свои романы.

— Это романы об Украине?

— Я бы сказал — связанные с Украиной. Один точно о ней. Об Украине 2014 — 15 годов, но не впрямую о войне, скорее, с присутствием звука этой войны. А чтобы дописать второй роман, мне нужно пожить недельки три в Стамбуле. А я все никак не могу туда поехать.

— Надо ехать. Весна — лучшее время для Стамбула Орхана Памука. Встретимся в апреле в Стамбуле.

— Встретимся в Стамбуле.

— Я много раз вам звонила за последние несколько дней. У вас на рингтоне играет песня украинской группы "Океан Эльзы". Вы знаете украинский язык?

— Специально не изучаю. Забыл сказать, что я еще телеведущий. Есть такой православный киевский телеканал "Глас", и там есть пара светских передач. Одна светская передача — моя. Называется "Гражданская позиция". Я веду ее уже почти три года. Половина моих гостей говорят по-украински, и я прекрасно все понимаю. Я совершенно свободно читаю по-украински, но говорить не решаюсь. Разве что со своей подружкой, которая украинка. Я бы сказал, что я не говорю по-украински из уважения к языку.

— 2012 год, ваш роман "Крестынин и тинейджер" получает премию "Русский Букер". Я хочу процитировать по этому поводу Галину Юзефович — одного из ведущих литературных обозревателей: "В нынешнем году все, что можно сказать по поводу "Большой книги" и "Русского Букера", укладывается в одну короткую фразу: к литературе это не имеет никакого отношения". Что, тогда самые крупные литпремии не отражают картины литпроцесса?

— Нет, опираться на премию можно, но надо понимать, что премия является коллективным, но, конечно, не абсолютно объективным делом. Поскольку я был членом жюри крупных премий, могу сказать, что слишком много есть мифов по поводу жюри.

— Какой самый идиотский миф о жюри вы знаете?

— Самый идиотский миф — это сговор. Корыстный сговор. Я испытал это на себе. Пока ты не член жюри, ты человек как человек. Как только ты становишься членом жюри, то ты продажный, ты — и кум, и сват, и брат. Как только все прошло, ты снова чистый человек. Даже обидно.

— Вы председатель жюри Одесской международной литературной премии им. Исаака Бабеля. Идеальный вдохновитель этого проекта Валерий Исаакович Хаит часто говорит о том, что если бы Бабель остался жив, то непременно получил бы Нобелевскую премию.

— Думаю, что Нобелевскую премию Бабель не получил бы. Потому что авторы рассказов не избалованы этой премией.

— Валерий Исаакович считает, что он продолжил бы создавать несуществующие миры, подобно Маркесу.

— Насчет премии — это дело тонкое. Толстой, положим, не получил ее не только потому, что отказался заранее. Он сказал: "Я вам ее верну, если дадите", — и попросил, чтобы его не рассматривали как лауреата. Но его рассматривали. И его не включили в список за "Крейцеров сонату", за аморальность.

— В случае с Толстым вы исключаете, что этот предупреждающий "отказ" — это поза?

— Толстой не был позером. Иначе он был бы не Толстым, а Прилепиным. Это все было уже после того, как он написал трактат "Что такое искусство", в котором он отрекался от искусства как такового. А тут такое баловство, как премия. За что? Отказ как поступок входил в его систему мировоззрения. А его мировоззрение всегда было страстным. Одесит Бабель не получил Нобелевскую премию. А киевлянин Шолом-Алейхем ее получил?

— Нет.

— По крайней мере, слава Богу, Шолом-Алейхему никто в затылок не стрелял.

— И у меня последний вопрос, я задаю его не всем. Последний раз я задавала его Виктору Ерофееву. Андрей Викторович, что такое Родина?

— Для меня Родина — это Псковщина, Новгородщина, русский северо-запад, север, Ленинград-Петербург.

— Может быть, через какое-то время в этот круг войдет Украина?

— Я живу здесь пять лет, сжился с Украиной, и полюбил ее, и верю в нее. Но Родина — это все-таки чувственный и объемный образ детства.

Вопросы задавала Елена БОРИШПОЛЕЦ, корреспондент сайта "Зачем".

Огонь не угасает

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ТАТЬЯНОЙ ЛИПТУГОЙ

— **Сорок лет Одесскому литературному музею. Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтоб евреи забыли, что такое рабство. А какие изменения произошли за сорок лет с народом Одессы? Избавился ли он от каких-либо комплексов?**

— Если сравнивать Одесский литературный музей с библейским народом, то смело могу утверждать, что прошедшие 40 лет деятельности музея доказали свободолюбие, раскрепощенность, смелость взглядов его научных сотрудников. Несмотря на довольно сильное идеологическое давление со стороны вышестоящих партийных органов. Этому доказательством является и сегодня актуальная, глубокая основная экспозиция. Сотрудники музея вместе с художниками-дизайнерами не раз преодолевали устоявшиеся стереотипы музейного показа. Не боялись изучать полузапрещенные новые темы и имена, собирая документы эпохи впрок, а кое-что разместили еще и в основной экспозиции.

А насчет народа Одессы... Истинные одесситы всегда были внутренне свободны. Может, они не были открытыми борцами с режимом в прямом смысле этого слова, но сам одесский характер, одесское мировоззрение, одесский взгляд на вещи, ирония и самоирония одесситов, сочетание романтизма и прагматизма одновременно делали народ Одессы отличным от всех. Одесса никогда не укладывалась в прокрустово ложе, в которое ее пытались уложить власти в любые времена.

Конечно, население (не народ) Одессы изменилось за последние четыре десятилетия. Очень многих унесли волны эмиграции, наполнив одесситами весь остальной мир. Многие из тех, кому были присущи черты подлинных одесситов, состарились и ушли из жизни.

В городе появилось много людей с другой ментальностью, другими культурными традициями. Многие говорят, что Одесса уже не та. Но мне кажется, что Одесса, которая создавалась пришлыми людьми, эмигрантами как некий котел, в котором переплавляются разные нации и народности, все равно будет оставаться особым городом со своей харизмой, своей недолгой, но очень насыщенной историей, своими свободолюбием и юмором, который и есть проявление этого ощущения внутренней свободы.

— **Татьяна Ивановна, становление музея проходило на ваших глазах, с вашим непосредственным участием. Каким в вашей памяти, в вашем сердце остался создатель музея, его первый директор Никита Брыгин?**

— Мне действительно посчастливилось не просто работать в Одесском литературном музее, но работать с первых дней его деятельности и участвовать в его создании.

Посчастливилось знать такого человека, каким был наш первый директор Никита Алексеевич Брыгин. Я впервые увидела его в октябре 1977 г., когда пришла в пустое здание бывшего облисполкома на ул. Ласточкина, 2 вместе с отцом. Тогда я была студенткой пятого курса филфака Одесского университета и знала, что должен создаваться Литературный музей. Мой декан, Иван Михайлович Дузь, посоветовал обратиться к его другу Никите, недавно назначенному директором будущего музея. Что такое музейная работа, я понятия не имела. Как и большинство молодых сотрудников, пришедших позднее. Никита Алексеевич недолго пробыл нашим директором. Он не создавал экспозицию, на которую ушло шесть лет. Но по полному праву мы считаем "нашего Никиту" основателем ОЛМ. Он один из тех, кто добился под Литературный музей одного из лучших зданий в Одессе. Он сразу под еще не созданный музей заложил самый большой штат сотрудников среди одесских музеев, добился второй категории музею, тогда как все другие были третьей категории. Он сразу взял высокую планку, и все сорок лет наш музей держит эту высоту. Он не был профессиональным музейщиком, да и мы все тоже. Но это и сыграло свою положительную роль при создании музея, когда нас не связывали никакие стереотипы. Так же он подобрал первый коллектив научных сотрудников. Никита был антиподом администратора в формальном значении этого слова, и в недолгое время его директорства в коллективе царил полная воляница. С дисциплиной не все было в порядке.

Зато с идеями, творчеством и сбором экспонатов со всех уголков нашей страны и даже из-за рубежа дела обстояли прекрасно. Никита посылал нас в многочисленные командировки, откуда мы привозили материалы, новые сведения о наших авторах, знакомились с опытом других музеев. Пик работы у нас начинался в шесть часов вечера, когда

мы, еще немногочисленные сотрудники, собирались в кабинете директора, рассевшись на большом старинном кожаном диване. Мы обменивались последними новостями, обсуждали будущую экспозицию, а Никита со своей обаятельной и немного лукавой улыбкой развивал перед нами радужные перспективы будущей музейной жизни.

Он был во многом фантазером, мы верили и не верили его обещаниям, но жизнь во многом подтвердила его правоту. Главное — он смог зажечь нас, первых сотрудников, таким огнем энтузиазма и любви к музею, что и сейчас, через 40 лет, этот огонь не угасает в наших душах.

— **Какие первые задания вы получили, придя на работу в музей? Какие экспонаты удалось найти? Каких людей "прописать" в музее?**

— Первое задание от Никиты было довольно забавным. Став штатным сотрудником музея в январе 1978 г., я продолжала учиться на пятом курсе ОГУ и писать дипломную работу. Конечно, это было административное нарушение со стороны директора. Но Никита был слегка авантюристичен и, по сути, был прав. Для начала он дал мне толстенную книгу на английском языке об Адаме Мицкевиче. Я должна была ее проработать и найти в ней сведения о Мицкевиче в Одессе. Это, что называется, была проверка на хоть какую-то состоятельность. С заданием я справилась.

А вообще-то темы мы выбирали сами, кому что ближе. И этот принцип добровольности в выборе авторов и тем у нас сохранился по сей день.

Моей первой и любимой темой были творчество и связи с Одессой К.Г. Паустовского, а также деятельность газеты "Моряк", где он работал в 20-х годах XX века. Первые мои командировки были в Харьков к сотруднику "Моряка" и другу Паустовского Я.Г. Кравцову и в Москву к сыну писателя, его друзьям и исследователям.

Оттуда я привезла и первые экспонаты для экспозиции: записную книжку Паустовского, которую он вел в Одессе в 1919 г., фотографии, удостоверение сотрудника газеты "Моряк", автографы писателя. С годами этой темой стали заниматься и другие сотрудники, и все это вылилось в создание филиала ОЛМ — мемориального музея К.Г. Паустовского.

— **Первые сотрудники музея. Многие, увы, уже нет среди нас. Но в памяти они живы. О ком вам хотелось бы вспомнить в юбилейный год музея?**

— Среди первых сотрудников музея были люди, о которых я буду всегда вспоминать и думать с благодарностью судьбе за то, что она меня свела с ними. Один из первых приказов музея (январь 1978 г.) был о том, что приняты в музей научными сотрудниками Н.А. Городецкая, Т.И. Липтуга и А.Н. Полторацкая. Наташа Городецкая вскоре стала ведущей сектором двадцатых годов, в котором работала и я. Это был один из самых боевых и интересных секторов, где работала Марина Лошак, Борис Владимировский, Александр Розенбойм, Ольга Попрощая. Каждый из этих людей был яркой личностью со своим мнением, каждый был невероятно интересен. Наташа была умницей, человеком честнейшим и добросовестнейшим, очень преданным делу, музею, Одессе. Она уже много лет живет в Израиле (так захотела семья), но все эти годы тоскует по Одессе и музею.

Прекрасно, что с нами работал над созданием экспозиции Боря Владимировский — харизматичный, артистичный, эрудированный, доброжелательный к коллегам несмотря на напряженное отношение к нему руководства. С Борей мы организовали цикл его лекций о кино для сотрудников музея, кино клуб для посетителей. Его лекции были мини-спектаклями одного актера и очень много дали нам, молодым сотрудникам.

Марина Лошак — "девушка с характером", умная, творческая, энергичная. Сегодня работает директором Цветаевского музея образительных искусств им. А.С. Пушкина.

Оля Попрощая, Саша Розенбойм — с ними было очень интересно работать и дружить.

Мне хочется с благодарностью и любовью вспомнить ученого секретаря музея Леночку Шевченко, мою дорогую подругу, которая, к сожалению, рано ушла из жизни.

Среди первых сотрудников была Валя Мочалина, наш в те годы профсоюзный босс, автор многих веселых капустников, которые организовывали мы в коллективе и для гостей.

Мне хочется назвать Марию Савельевну Давыдову, замдиректора по науке, которая фактически руководила музеем четыре года в период его создания (мы жили без директо-

ра) и которая нас научила музейной профессии, а также Надежду Пантелеевну Первову, которая на своих хрупких плечах вынесла все хозяйственные, ремонтные и технические тяготы рождения экспозиции.

К счастью, ряд первых сотрудников, создававших музей, и по сей час продолжает работать в нем, это мои верные друзья, бескорыстные и преданные музейному делу люди, очень творческие, очень профессиональные, очень надежные: Галина Семькина, Елена Каракина, Галина Закипная, Надежда Кореневская, Яна Заярная, Лена Черненко, Евгения Шабельская, Анна Мисюк.

— **Менялись ли ваши личные вкусы за истекшие сорок лет? Кого из писателей вы для себя открыли, в ком разочаровались?**

Мои личные вкусы не изменились за сорок лет. Я любила и люблю книги В. Катаева, К. Паустовского, Л. Толстого, И. Бабеля, Ильфа и Петрова, Зощенко, Шолохова, среди поэтов — Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Блока, Ахматову. Назвала только тех, кого люблю перечитывать. Из своих любимых не разочаровалась ни в ком, даже если узнала о каких-либо новых фактах биографии.

Среди новых имен мне наиболее интересна Л. Улицкая. Стала меньше читать поэзию, больше — документальную и историческую литературу, краеведческую.

— **Если бы вдруг образовался в музее еще один зал, кем бы вы его "заселили"?**

— Считаю, что крайне необходимо показать в музее творческие связи с Одессой В. Высоцкого, Окуджавы, Галича, представить жизнь и творчество нашего любимого "современного классика" М. Жванецкого, ряд одесских писателей второй половины XX в. — И. Рядченко, Б. Нечерду и др. Кое-что мы в этом направлении уже начали делать.

— **Пополнение фондов музея продолжается. За последние несколько лет от чего из экспонатов, представленных на фондовую комиссию, дрогнуло сердце? Давала деньги на пополнение музея администрация, или полностью эти заботы легли на плечи музея? Назовите трех самых верных музеев.**

— За все годы работы музея нами собрано более 80 тыс. экспонатов, среди которых — множество уникальных. Ежегодно сотрудники собирают от 1500 до 2000 экспонатов.

К сожалению, в последние 25 лет денег на приобретение экспонатов не выделяют.

Нам дарят целые архивы потомки и другие родственники писателей, отдельные уникальные документы. Помогают нам приобрести экспонаты и наши постоянные меценаты С.Р. Гриневецкий, В.Л. Бондаренко, О.И. Платонов, В.С. Филипчук. Но не только они — у музея и его филиалов широкий круг друзей и почитателей, которые помогают нам в комплектовании музейной коллекции.

— **Публикаторская деятельность музея — это и замечательные сборники "Дом князя Гагарина" и "Одесский календарь". Нет ли желания сделать отдельные сборники тематическими? К примеру, целиком посвятить сборник коллекции Сергея Луцка, а какой-либо другой — литературе расстрелянного украинского возрождения?**

— Издательская и публикаторская деятельность музея активно началась с 1992 г. До этого в основном мы ограничивались статьями в периодике. На сегодня музей издал сам либо принял участие в 68 изданиях. Тематические сборники — идея интересная, в какой-то степени она реализовалась в книгах из серии "Одесская библиотека", посвященных Власу Дорошевичу и Константину Паустовскому, изданных Всемирным клубом одесситов при поддержке АО "ПЛАСКЕ" и с нашим участием. Нужно подумать над таким предложением.

— **В последнее время участились жалобы на то, что меньше люди стали читать. Ощущает ли музей уменьшение интереса к своей работе? В конце концов, воспитывать читателей тоже может музей. А какую работу музей ведет с детьми? Со школами? С детскими библиотеками?**

— Читать действительно стали меньше. Это общемировая тенденция. Конечно же, наш музей делает очень много для популяризации чтения, популяризации произведений "одесских" авторов.

Наши главные посетители — школьники. Для них придумана очень привлекательная интерактивная экскурсия-игра "Литературно-исторический вояж", где дети погружаются в эпоху XIX, XX веков: пишут гусями пе-

рьями и чернилами, щелкают костяшками счетов, печатают на старых пишущих машинках. Для них же проводятся экскурсии-квесты по Саду скульптур. На базе Пушкинского музея уже 25 лет работает наша музейная литературно-художественная школа "Пушкинский музейон". Для школ разработаны спецкурсы по одесской украинистике, литературному краеведению. Мы тесно сотрудничаем с детскими библиотеками, передаем им в дар все наши новые издания. В музее проводятся детские новогодние утренники, литературно-музыкальные праздники к писательским юбилеям, детские балы, посвящения в гимназисты, конкурсы.

Наши сотрудники бескорыстно помогают создавать литературные музеи и гостиные в школах, интернатах, детдомах, проводят занятия и беседы с детьми.

Уменьшения интереса к работе музея мы не ощущаем, т. к. постоянно придумываем новые формы работы с посетителями, многие наши акции — это своеобразный синтез искусств: литературы, музыки, живописи. Очень привлекательны для посетителей музейные ночи, которые мы организуем два-три раза в году.

— **И последний вопрос. Если вам сегодня предложат десять сотрудников представить к правительственным наградам — кто это будет и за какие заслуги перед музеем, перед культурой, перед Одессой?**

— Будь моя воля, я бы наградила всех сотрудников всех одесских музеев. Это абсолютно преданные своему делу люди, собирающие и сохраняющие для будущих поколений уникальные духовные ценности, хранящие народную память, просвещающие общество и популяризирующие наше культурное достояние.

Они имеют дело с огромными ценностями, а сами работают за более чем скромное вознаграждение.

Труд многих наших сотрудников оценен государственными, ведомственными, областными и городскими наградами и знаками отличия. Три человека удостоены звания "Заслуженный работник культуры Украины".

И все же мне хотелось бы назвать тех, кто заслуживает государственных наград: Яворская Е.Л., Заярная Т.И., Закипная Г.В., Михайлова Н.Е., Семькина Г.Г., Нирша А.М., Каракина Е.А., Липтуга Л.В., Гура В.Я.

А вообще-то работа в таком музее, как наш, сама по себе уже является наградой судьбы, за что мы ей безмерно благодарны.

Вопросы задавал Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Алена ЯВОРСКАЯ

И ожили катаевские фото

Для большинства людей детство — самое счастливое, самое беззаботное время, воспоминания о нем наполнены солнцем и морем, играми и друзьями. Но только писатель может подарить нам еще одно детство — то, что было с ним, проживаем и мы.

У Валентина Петровича Катаева было счастливое детство. Да, он пережил смерть матери, но была любящая семья, тетушка Елизавета, заменившая мать мальчикам, были друзья.

О своем детстве он писал дважды: когда ему было 39 лет — в повести "Белеет парус одинокий", в 75 — в повести "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона".

В первой у Пети Бачея один лишь друг Гаврик, внук рыбака. А вот во второй — целая компания, компания из Отрады, где с 1907-го по 1913 г. жила семья Катаевых.

В архиве у Валентина Петровича хранились две фотографии, снятые в Отраде. На первой, 1908 года — Валя и семейство Арнери: Джульетта, Петрик и Рафка. Позднее Олеша использует эту фамилию для доктора Гаспара из "Трех толстяков".

В "Волшебном роге Оберона" Катаев пишет драматическую историю, связанную с семьей Арнери и Мишей Галиком:

"Бегство маленькой обезьянки Дези, принадлежавшей Джульетте Арнери, о которой я уже упоминал в этой книге, происходило примерно так.

Когда я присоединился к толпе, то Дези, с оборванной цепочкой на ошейнике, кривлялась на вершухе самой старой из всех наших акаций и бросала вниз охапки сорванной листвы. Джулька молитвенно простирала к ней руки, пытаясь своей кокетливой улыбкой на смуглом итальянском личике заманить Дези вниз, на землю.

Все семейство Арнери стояло рядом с Джулькой — папа Арнери в сдвинутой набекрень фетровой шляпе-борсалино, мама Арнери в черном кружевном платке, накинутом на красиво седеющие волосы, такие же кудрявые, как и у Джульки, и братья Арнери, мои друзья Рафка и маленький Петрик со своим трехколесным велосипедом, а также старшая сестра Нелли, неопикуемая красавица с раскрытыми кружевным зонтиком на плече.

Так как обезьяна не желала добровольно спуститься с акации на тротуар, то позвали дворника, который принес лестницу. Но едва он приставил ее к стволу акации — Дези, как гимнаст, перебралась на другое дерево и, осклаившись, издала злобный трескучий звук раздавливаемого ореха. Едва дворник прикоснулся к лестнице, желая переставить ее к другому дереву, Дези перелетела на уличный фонарь, скрючилась, поискала у себя немного в голове, а затем побежала по вершухе каменного забора и все с той же акробатической точностью продолжала перебираться по карнизам, водосточным трубам и балконам довольно высокого кирпичного дома Фесенко, пока не перебралась на крышу и оттуда бросила на преследователей презрительный взгляд своих полузакранных глаз с лазерными веками.

— Дези! Дези! Дезинька! — нежнейшим голосом звала Джулька.

Если бы Дези была человеком, то она, несомненно, немедленно спустилась с крыши в руки своей хозяйки, потому что Джулька была неотразима своим телесно-розовым ротиком и смугло-румяными щечками.

Но Дези была обезьяна и ничего этого не понимала. Наоборот, она даже как будто осклаивалась от Джулькиных притязаний, повернувшись спиной к Джульке, задраала хвост, чем и показала ей свое презрение.

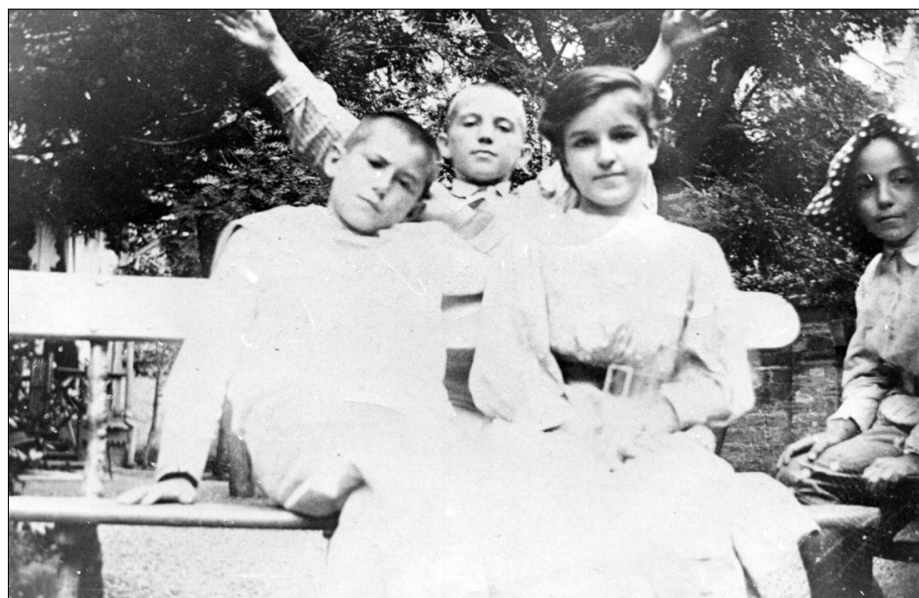
В это время подъехал на велосипеде Стасик Сологуб, прислонился вместе со своей машиной к дереву, подумал, посообразавал, а затем сошел с велосипеда и мужественно полез по пожарной лестнице на крышу, вызвав всеобщее восхищение, но не долез, потому что зацепился за какой-то костыль и поврал свои узкие диагональные брюки со штрипками, так что все увидели его подштанники. Смущенный Стасик спрыгнул на землю и умчался домой на своем велосипеде под бурное улюлюканье всей нашей голоты.

С обезьяной возились долго.

Она перебиралась с крыши на крышу. Еще немного — и она бы прыгнула в приморский сад дачи Налбандовых, а оттуда вниз с обрыва, и тогда ищи свищи!

...но тут появился Мишка Галий, он же престо Галик...

Галик подошел своей цепкой черноморской походочкой к толпе, посмотрел вверх на обезьяну зорко прищуренными глазами шкипера, а затем сказал Джульке, что поймать Дези — плевое дело, надо лишь иметь восемь копеек. Семейство Арнери, посовещав-

шись, вручило Галику восемь копеек, и, подмигнув Джульке, Галик не торопясь удалился все той же своей знаменитой походочкой.

Он был в бобрковых лиловых штанах, откуда торчали его пыльные босые ноги.

Толпа видела, как в перспективе улицы Мишка Галий, звякнув дверным колокольчиком и нажав щеколду, вошел в бакалейную лавочку Коротынского и вскоре вышел оттуда, прижимая к груди фунт винограда, завернутого в грубую, дешевую, толстую бумагу. Не отвечая на вопросы, он сноровисто полез, перебирая босыми маленькими ногами по перекиданым пожарной лестницы, достиг уровня крыши и показал обезьяне гронку винограда, вынутую из фунтика. Обезьяна издала свой щелкающий звук, в два прыжка на трех длинных руках приблизилась к Мишке Галику и протянула к винограду человеческую коричневую ручку.

Однако Галик винограда обезьяне не дал, а медленно начал спускаться вниз, держа перед мордой зверька соблазнительную полупрозрачную кисть, насквозь пронизанную солнцем.

Таким образом Мишка Галик, а за ним и обезьяна благополучно спустились на улицу, где Мишка молниеносным движением схватил Дези за хвост и, не обращая внимания на сердитые крики обезьяны, норовившей его укусить, подал Джульке животное; затем, сказав всего лишь одну фразу: "А виноград пойдет мне за работу!" — Галик удалился, окруженный голотой, кричавшей:

— Мишка! Галик! Не будь жадным! Дай хотя бы одну гронку на всех!

...но Мишка Галий был неумолим...".

Вторую фотографию подарил музею уже после смерти В.П. Катаева его сын Павел. От отца он знал, что на ней два друга Катаева — Миша Галий и Евгений Запороженко. Имена остальных были неизвестны.

В Отраде и сегодня стоит одноэтажный особняк, построенный в начале века по проекту архитектора Дмитренко для семьи Запороженко. Там в десятые годы двадцатого века собиралась на веранде "голоты" — дружная отрядненская компания. А в восьмидесятые годы сюда же приходили музейные сотрудники. Речь зашла и о фотографии, переданной музею Павлом Катаевым. Евгений Ермилович рассказал мне, что фотографию сделал он сам — в 1909 году родители подали фотоаппарат. Позднее Запороженко отдал его Катаеву, когда тот уезжал на фронт в 1915-м. В ранних рассказах Катаева упоминался аппарат "Кодак", в который попали осколки бомбы.

Снимок сделан во дворе дома Запороженко, у задней стенки. Фотограф успел присоединиться к друзьям, оттого и стоял к краю.

— Почему нет братьев Катаевых?

— Их тогда в Одессе не было, — ответил Евгений Ермилович, — кажется, в Италию уехали. В Италии Петр Васильевич Катаев с сыновьями был в 1910 году.

Своих друзей Катаев перечисляет в "Волшебном роге Оберона":

"...я вышел погулять и увидел на одной из полянок Отрады осли, окруженного детьми.

Оказалось, осли отдавали напрокат: пять копеек за поездку вокруг полянки. Здесь были уже все мои друзья: Женька Дубастый, красавица Надя Заря-Заряничка, Мишка Галий, Жорка Мельников по прозвищу Кавунчик, Васяка Овсянников по прозвищу Пончик, Джульетта Арнери, щеголь Стасик Сологуб, младшая сестренка Дубастого Тася, младший брат Стасика Янек, правда, не такой шикарный, как его брат Стасик, но тоже ничего

себе, наш Женька и не помню уже, кто еще.

Старик то и дело открывал свой кожаный кошелек и бережно клал в него пятаки. После каждой пробежки он поглаживал осли по севой бархатной морде. Уже почти вся наша компания успела покатасться. Я видел, как Женька Дубастый, заплатив пятак, взгромоздился на осли и лихо промчался по кругу, болтая ногами и делая приветственные жесты в сторону Нади Заря-Зарянички, которая, повернувшись в профиль, лишь снисходительно посмеивалась. Я предвкушал, как изящно вскочу верхом на осли и промчусь настоящим кавалерийским карьером вокруг полянки, весь собранный, строгий, неустрашимый, и уж, конечно, не буду расслабленно, как мешок, трястись на спине осли, болтая ногами, как Дубастый, а, надвинув козырек своей гимназической фуражки на глаза, как Печорин, даже не взглянув на Надю Заря-Заряничку, пусть знает, что мою любовь надо еще заслужить".

Итак, друзья Катаева, описанные в "Волшебном роге". Кто же из них на снимке?

Первый слева — Михаил Галий, по-уличному Галик. Он жил на улице Новорыбной, 5, во дворе направо. Его отец был рабочим, брат Иван — бухгалтером. Учился Галик в городском шестиклассном училище, учрежденном Г.С. Михайловым-Мучкинским, училище было на Большой Арнаутской, 68. Брат, как и написано в "Белеет парус одинокий", жил на Ближних Мельницах. По словам В.П. Катаева, Галий участвовал в гражданской войне, затем работал на джутовой фабрике, в 1937 году был арестован, дальнейшая судьба неизвестна.

Рядом с ним Валя (Воля). Фамилию точно Евгений Ермилович не вспомнил, вроде бы Соллогуб. Семья его жила в Отраде, на Ясной или Уютной. Воля учился в пятой гимназии, ушел в Добровольческую армию, погиб в 1919-м недалеко от границы с Румынией. В "Волшебном роге Оберона" он назван Стасиком.

"Все было хорошо, но как только на улице появлялся Стасик Сологуб, все делалось плохо. Девочки переставали обращать на нас внимание, игра в перебежку между стволами акаций сама собой прекращалась, и центром внимания делался Стасик. Он обычно выезжал из своего переулка на новеньком велосипеде марки "Дукс", ценю в сто десять рублей, и сперва несколько раз проезжал перед нами, снисходительно улыбаясь девочкам, которые млели при виде его молодцеватой посадки, его диагональных брюк со штрипками, работы хорошего портного, его твердого белоснежного воротничка с отогнутыми уголками и форменной фуражки с лакированным ремешком, который он для большего фасона натягивал на свой красивый подбородок".

Затем — Сергей Зарайковский по прозвищу Здрайка, жил на улице Уютной, 5. Его отец Дмитрий Петрович был капитаном первого ранга, служил на пароходах общества "Одесса". Учился Здрайка в пятой гимназии. В 1918-м семья эмигрировала, жили в Париже. Сергей работал таксистом, он поддерживал связь с Запороженко, вроде бы встречался с Катаевым в 1930-е гг. Умер в Париже в 1964 году.

Вместе со Здрайкой Валя жестоко подшутил над Соллогубом:

"Мою душонку охватывала жажда самого ужасного мщения. Мои чувства разделял мальчик-гимназист по кличке Здрайка — не помню его фамилии. Это именно Здрайке пришла в голову мысль, как отомстить Стасику и сбить с него фасон.

Прежде всего, для этого, как всегда, требовались деньги. Мы сложились со Здрайкой и приобрели в мелочной лавочке Коротынского предметы, необходимые для выполнения нашего адского плана. Были куплены коробка шикарных папирос "Зефир" фабрики "Лаферм" и за три копейки шутиха. Мы высипали из одной папиросы табак и вместо него насыпали в гильзу порох из шутихи, а сверху, чтобы не было ничего заметно, заделали гильзу табаком".

Крайний на фотографии — сам Запороженко по кличке Дубастый.

"Впрочем, тут же я понял, что делать одному модель Блерию будет скучно, а надо непременно найти себе помощника, и тут же мне почему-то представилось, что лучше Женьки — не моего брата, а другого Женьки, реалиста по прозвищу Дубастый — мне товарища не найти. И сейчас же, как по мановению волшебной палочки, на улице появилась фигура Женьки Дубастого, печально возвращавшегося из своего реального училища, где он схватил две двойки и был к тому же оставлен на час после уроков".

А Женька в действительности учился в училище Святого Павла и только в 1916-м был переведен в Одесское реальное училище. Он с детства мечтал стать корабельным инженером, потому и выбрал не гимназию с классическим образованием, а реальное училище. В 1917-м был призван на фронт, в 1918-м демобилизовался и поступил в Одесский политехнический институт, на кораблестроительное отделение. В 1919-м, после второго курса, был на практике на пароходе. В середине рейса пришло сообщение об установлении советской власти в Одессе. Капитан принял решение не возвращаться на родину. Запороженко жил во Франции, стал инженером-кораблестроителем, во время Второй мировой войны был в Сопротивлении. В 1930-е гг., во время поездок за границу, В. Катаев ему звонил, с 1950 г. они возобновляют переписку, а в 1956 году Евгений Ермилович вернулся в СССР. В одном из писем Катаев вспоминал, что в 1903 году, после того как семья Катаевых переехала на Маразлиевскую, 54, в их квартиру въехала семья Запороженко.

Кто же единственная девочка в мальчишеской компании?

До разговора с Е. Запороженко считалось, что девочка в матроске — прототип Нади Заря-Зарянички из "Волшебного рога".

Увы, мы так и не знаем, как выглядела Надя, Надежда Огонь-Догановская. Именно она, по словам Евгения Ермиловича, была прототипом Заря-Зарянички. Семья Огонь-Догановских тоже жила в Отраде, на Отрадной, 12. Генерал-майор Иван Платонович Огонь-Догановский был судьей военно-окружного суда. Надя училась в гимназии Беленде Баллю. Евгений Ермилович смутно помнил, что вроде бы после революции семья эмигрировала.

Девочка на фотографии — тоже ученица гимназии Беленде Баллю Ксения Собецкая. Рядом с ней — ее младший брат. Отец, Иван Максимович, был капитаном первого ранга, владельцем фирмы "И. Собецкий и Ко". После революции семья осталась в Одессе, отец в тридцатые годы был арестован, сведений о ее судьбе нет.

Шесть ребят на фотографии во дворе одного из домов Отрады.

Нет уже этих ребят, нет и той Отрады, но остались книги, в которых они живы и счастливы, влюбляются и дерутся, книги, наполненные светом детства. Книжки, написанные Валентином Петровичем Катаевым.

Леонид ГЕРВИЦ

Как я писал портрет Евтушенко

Не стало Евгения Евтушенко...
Вот написал я эту строчку и не верю своим глазам.

Несовместимость этого человека с бытием настолько очевидна для миллионов советских, российских и зарубежных мыслящих и образованных людей, что невольно приходит мысль: а человек вообще-то должен ли быть смертен?

Хоть поэзия Е. А. жила во мне всю мою сознательную (до 52 лет) жизнь, она подарила мне встречу с ним лишь в 1998 году.

Ни одно воспоминание не может быть в точности достоверным — наука физика это отрицает. Но все же...

В случае с Евгением Александровичем Евтушенко, Женей, как его звали близкие друзья, да и не только близкие (и что характерно — он никогда на это не обижался), приведенная выше мысль не кажется абсолютной. Каждая минута, проведенная рядом с великой личностью, превращается в яркую картину, в ту самую "яркую тряпку".

Вскоре после нашей первой встречи, когда я сделал несколько зарисовок, которые ему так понравились, возникла идея написать портрет на холсте.

Осуществить ее стало возможно во время нашего совместного путешествия в Palm Beach в конце апреля 1999 года.

Марвин Бараш, пожилой банкир, ветеран Второй мировой войны, простоявший неделю по колено в воде в Арденнах, и его молодая жена Фелис, мои новые американские приятели и коллекционеры моих картин, владевшие несколькими этажами в прибрежном отеле "Амбассадор", любезно согласились, чтоб в очередной мой заезд на ежегодный творческий отпуск я взял с собой знаменитого русского поэта, о котором Фелис давно знала.

Нам предоставили просторные, наполненные ярким флоридским солнцем апартаменты с видом на Атлантический океан.

Я сразу отдал Е. А. главную большую спальню, куда был водворен письменный стол. Сам же устроился на довольно узком, но в красивых южных цветах диване в холле. С самого начала я решил не докучать поэту моим назойливым присутствием и по возможности жить своей жизнью: купаться в океане, писать этюды, наслаждаться красотами Флориды. Дверь в его комнату была приоткрыта, так что в щель я мог лишь видеть, горит или не горит свет. Моя добровольная самоизоляция, видимо, пришлась по вкусу, и лед первых дней стал понемногу таять. Неудобный Евтушенко (думаю, читатель не может вспомнить, как и я тоже, случая, чтоб Женя когда-либо от души хохотал по какому-либо случаю) поначалу был официально серьезен и ничуть не пытался наладить контакт с человеком, который привез его в этот сущий рай. Обычно, когда я, как теперь говорят, "по жизни" встречал такое к себе отношение, то в ответ становился адекватно каменным. И уже надолго. Так что, отсутствием гордыни не обладая, я в какой-то момент даже стал жалеть о моем предприятии с приездом во Флориду. Но слава Евтушенко, сопровождавшая всю мою сознательную жизнь, уважение к автору "Бабьего яра" и "Со мною вот что происходит" не позволили, к счастью, мне взбрыкнуть и расстаться с ним навсегда. А правду сказать, я был в шаге от такого решения. При этом мне особенно припомнился эпизод с моей женой Ирочкой как раз накануне нашего отлета.

Как-то у нас состоялся с ней такой диалог:
— Звонил Евтушенко.
— Ну и что?
— А то, чтоб я его ноги в нашем доме не видела!

— Это еще почему?
— Он устроил мне выволочку за то, что я не знаю, как spellается его фамилия.

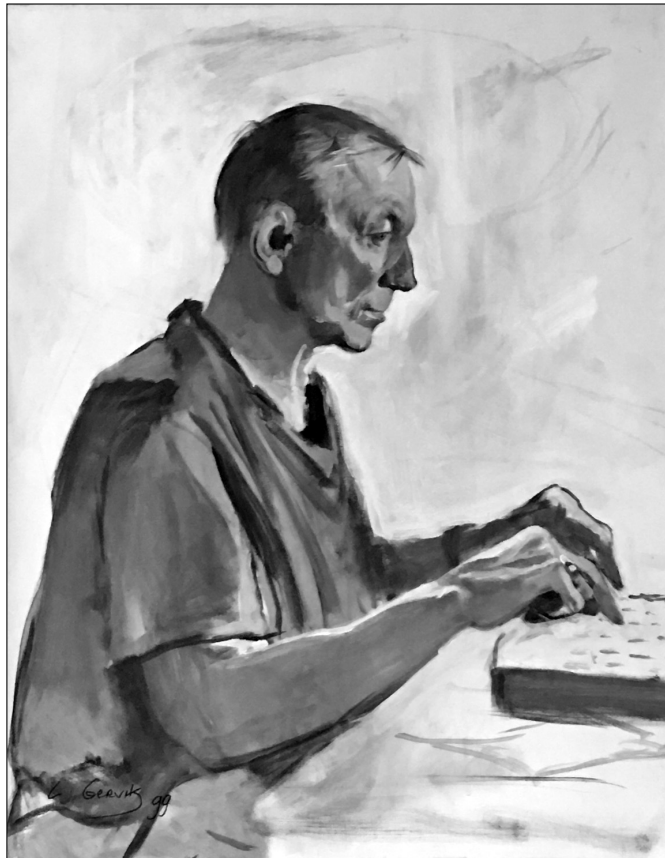
Оказывается, Женя звонил по поводу заказа билетов на самолет до Palm Beach и на Ирин вопрос об английском написании его фамилии возмущался.

"У меня в Америке вышло 12 книг, а вы не знаете, как пишется моя фамилия!" — выговаривал он моей тоже гордой и совершенно не заслужившей этого жене.

Таково было мое настроение в момент прибытия на место.

Но дело было затеяно, и надо жить дальше.

Примерно через день я предложил писать портрет. "А ты знаешь, что Сикейрос хотел писать мой портрет, а я не дался?" — заявил мне Е. А., пока я устанавливал мой мольберт в тесном пространстве между окном и письменным столом. Я, кажется, должен был быть польщен честью, мне оказываемой. Но не стал об этом долго размышлять, а взялся за работу.

Фабулу портрета долго искать не пришлось, да и выбора особого не было.

Он постоянно, почти круглосуточно испуленно работал (вот уж действительно открытием была для меня восхитительная работоспособность Евтушенко!), так что оставалось только принять это за факт и пристроиться рядом. Я всегда пишу быстро (сказываются привычка многолетнего преподавания, когда надо принимать быстрые решения, а также мой южный темперамент), что в данном случае было необходимо. Мы работали параллельно: он стучал своими большими узловатыми пальцами по клавиатуре, не обращая на меня ни малейшего внимания; я же старался быстро занести свое первое впечатление, самое правильное и сильное, на холст. Иногда мы только прерывались на то, чтоб съездить куда-нибудь на мою рентованную "Тойоту", наконец, поест. Завтракали, как правило, дома. Хозяйка заботливо загрузила на наш приезд холодильник, которого хватило на несколько утр.

В один из завтраков, которые мы готовили попеременно, была очередь Жени. Было это уже незадолго до нашего отъезда домой, и в отношениях наших, заметно уже потеплевших, наступила вполне дружеская атмосфера. Я сидел на диване с видом на кухню и наблюдал, как Дон Кихот мировой поэзии готовил нам обим незатейливый завтрак. Увидев, что я слежу за процессом, он мне сказал: "Вот пройду годы, ты пойдешь гулять с внуком, подойдешь к моему памятнику и скажешь внуку: "Вот этот дядя мне готовил яичницу". Тогда, в самом конце XX века, летом 1999 года, эта фраза, казалось мне, говорила об очень далеком будущем. Е. А. тогда было 66, мне 53, Сейчас мне уже на пять лет больше, чем ему было тогда.

И вот сегодня месяц, как его не стало. Прошло уже много лет XXI века — почти одна пятая. Пророчество Е. А. уже начинает сбываться; наверняка кто-то (может быть, даже его приятель и сосед по Переделкино Зураб Церетели) думает над памятником. Правда, внука у меня еще пока нет, но в своем пророчестве Женя уже частично прав. Он свою часть (к великому моему и миллионов его поклонников сожалению) уже выполнил.

Неумолимо время несет пулей, оставляя нам вместо себя, вместо друзей и родных, которых мы любили, "хлеб" воспоминаний. И приходят на память драгоценные часы и дни наших встреч.

Так получилось, что больше двух сеансов работать не пришлось. Е. А. показался мне тогда гораздо более многозначным образом, чем тот, который появлялся на холсте. Практически не окончив первый портрет, я тут же принялся за второй, более артистичный, который в то время представлялся мне более выразительным. Е. А. всячески старался мне в этом помочь: надел небесно-голубую сорочку и такую же фуражку, принимал всяческие позы, снимал или надевал очки, даже гримасничал слегка, чтобы создать занятный образ. За его спиной,

на стене, оказалась картина Клее, которая очень соответствовала нашим поискам, и я, зная, как Евтушенко любит современное искусство, был рад такому совпадению. Но вскоре мы вернулись в Нью-Йорк, и оба портрета (как мне казалось тогда) остались незавершенными.

Прошли годы. Мы встречались в Нью-Йорке на собраниях Пушкинского общества, где я был главным художником. Я готовил к выпуску очередные номера журнала "Арзамас", и Е. А. привозил или пересылал к нам новые стихи.

С президентом Международного общества пушкинистов Марком Митником мы всегда отмечали приезды Е. А.: либо в теплой домашней атмосфере, либо за стойкой бруклинского бара. Е. А. научил меня любить ликер Creme De Cassis, и теперь при виде этого божественного напитка я всегда вспоминаю Евтушенко.

Я несколько раз возил его на его знаменитые в среде русско-еврейской эмиграции концерты. Бывал на его лекциях в Quince college. Мы перезванивались по телефону, когда он бывал в Америке.

Осенью 2015 года я выслал в подарок Е. А. мою новую книгу портретов, вышедшую накануне. Недели через две раздается звонок с его привычным "Леня, здравствуй, это Евтушенко!"

— Слушай, а у тебя еще есть портрет этого старика с бородой?

— Какого? — говорю я. — Там их несколько.

— Ну тот, который на обложке.

— Есть, — говорю.

— Я хочу его у тебя купить.

— Хорошо, — говорю я, — мне только надо это согласовать с моей галереей, так как у нас договор о моих продажах по Америке.

На следующий день я связался с моим агентом и уговорил ее отказаться от своего процента с этой продажи ввиду такой исключительности заказчика, как мой друг, великий поэт. Она безоговорочно согласилась. Цена была объявлена, которую я посчитал не высокой, но приемлемой. Покупай он из галереи, ему бы обошлось вдвое дороже или даже более того.

На следующий день, свернув в трубочку портрет и подрамник, я вылетел в Талсу.

В аэропорту меня встречал сам Е. А., медленно ковляя с палкой и на своей железной ноге. Пока мы, переговариваясь, ждали у "карусели" мой багаж, я имел возможность видеть, как местные (а может, и приезжие) узнавали моего собеседника и с интересом глядели на нас.

Когда мы приехали домой, в небольшой уютный и красивый дом, Е. А. с нетерпением меня стал поторавливать раскрыть рулон.

Стоило мне только развернуть картину, как он воскликнул: "Всё! Это гениально! Не надо натягивать, я так и отвезу это в Москву".

Вскоре пришла с работы Маша, которой картина тоже понравилась.

Я прожил у них два дня. Ввиду ремонта в доме мне постелили на кушетке в кабинете. Это был второй раз в моей жизни когда я си-

дел на кушетке великого поэта. Первый раз был в кабинете Пушкина в Михайловском.

На следующий день мы все втроем съездили в местный художественный музей, скучное шикарное здание из стекла и бетона. Ходить Е. А. было очень трудно, и мы с Машей по очереди его везли на инвалидном кресле.

Я неоднократно убеждался, что Евтушенко был человеком слова. После наших флоридских каникул он пригласил меня приезжать в Переделкино в любое время. За ним также прочно закрепилась репутация человека, который помогает другим, особенно поэтам и художникам. Совсем недавно я смог воочию в этом убедиться сам.

В конце июля 2016 года пришло сообщение, что мне присвоили звание почетного академика и Церетели меня вызывает в Москву на заседание президиума РАХ.

Мой русский паспорт оказался просроченным, а по положению, имея русское гражданство, я не мог лететь по американскому паспорту.

Клерки в русском консульстве в Нью-Йорке хладнокровно мне заявили, что на замену паспорта уйдет три — четыре месяца. Дело было в 10-х числах августа 2016 года. Заседание президиума было намечено на 6 сентября.

Я рассказал об этой ситуации Маше Евтушенко. Сам он в тот момент был в Москве, но должен был лететь в Талсу на следующий день.

Буквально накануне вылета он позвонил в МИД, в канцелярию министра иностранных дел России С. Лаврова. Оттуда дали директиву срочно мне оформить визу для вылета в Москву на президиум РАХ.

Так Е. А. мне помог с вылетом и к тому же предложил жить у него в доме в Переделкино. Распорядился поселить меня в своей спальне, среди своих неимоверных пиджаков, икон и гор книг, впрочем, лежавших в безукоризненном порядке, где я провел необычную неделю в "мире Евтушенко". Ездил на его машине с шофером Сашей, спал в его кровати, читал его книги, общался с его музеем, с радостью видел, как мои рисунки лежат на его рабочем столе.

Тогда же, в его доме, я смотрел по Первому каналу передачу, незадолго до того снятую в программе Малахова, о любви Е. А. к колумбийской женщине Доре Франко.

С изможденным жизнью телом, но юной душой, с горящим, полным мысли взором, поэт продолжал "шуметь", продолжал ЛЮБИТЬ, несмотря на уже известный ему близкий конец.

Я знаю, что среди читающих эти мои воспоминания будут те, кто скептически скривит рот и "запоет" старую песню про "камни, которые бросали в разрешенном направлении". Таким я хочу сказать: читайте повнимательнее стихи Евтушенко, смотрите его фильмы, слушайте его песни и не повторяйте досужих бредней.

А вообще-то — попробуйте, КАК ОН! Что, слабо?

Михаил ГАУЗНЕР

Письма легендарного человека

Ион Лазаревич Деген — один из лучших танковых асов Отечественной войны, дважды представленный к званию Героя. В перерывах между боями этот восемнадцатилетний командир танкового взвода писал замечательные, искренние стихотворения; одно из них недавно ушедший Е. Евтушенко назвал лучшим из того, что было сказано о войне, а В. Гроссман и В. Астафьев цитировали в своих романах.

Деген трижды был тяжело ранен, ему ампутировали часть ноги. Двадцатилетний инвалид стал хирургом-травматологом, доктором медицинских наук. На протезе, с осколком в мозге, он спасал жизнь и здоровье множеству людей, в 1959 г. впервые в мире реплантировал киевскому слесарю отрезанную руку; научные работы Дегена получили мировую известность. В 52 года уехал в Израиль, изучил иврит, подтвердил диплом врача, стал одним из ведущих травматологов страны. Написал много рассказов, стихов, эссе.

Три года назад в Интернете была размещена видеозапись моей литературной программы, посвящённой этому замечательному человеку. В ней я рассказал о нём и прочитал много его фронтowych стихов. Эта видеозапись попала к Дегену, и через несколько дней я неожиданно получил от него письмо, с которого началась наша переписка. Отрывки из наиболее интересных писем Дегена я предлагаю вниманию читателей.

доверительность в мой адрес, я тронут, для меня это очень лестно и ответственно — ведь я отдаю себе отчёт в том, кто я и КТО Вы”:

16.01.15.

Дорогой Михаил! Вы меня смутили. Даже рассмешили этим “КТО Вы”. Я сам очень хотел бы узнать, КТО я. Пока знаю только, что я должник. Так много получил, что никак не смогу вернуть. А по поводу нашего с Вами контакта Вы абсолютно справедливы. Наши радары определённо работают на одной частоте. Сердечный привет Вашим коллегам по культурному центру. Будьте здоровы, счастливы, благополучны!
Ваш Ион.

После просмотра моей программы “Одесса в стихах” и очерка о Потёмкинской лестнице:

27.06.15.

Дорогой Михаил! Спасибо за доставленное удовольствие. Это была, как мне кажется, самая лучшая Ваша программа. А “Потёмкинская лестница”! Поздравляю Вас с интересным уточнением. Какое количество информации я получил! Мне интересно всё, что Вы делаете. Восхищаюсь вами! Огромная благодарность за всё! Будьте здоровы, счастливы, благополучны!
Ваш Ион.

После просмотра моей программы о Р. Рождественском:

18.10.15.

Дорогой Михаил! Вы замечательно создали образ благородного человека. Что касается поэта, мне пришлось бы написать Вам не ответ, а большую статью. Из всех поэтов шестидесятых годов для меня существовал только Окуджава. А из советских после Багрицкого — фронтowych, о которых говорил ранее, и практически неизвестный Николай Панченко. Рождественский открылся мне как трагическая личность и не совсем состоявшийся поэт-лирик буквально пару лет назад... Ещё раз огромное спасибо! Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

После отправки моей книги “Избранные переводы”:

13.03.16.

Дорогой Михаил! Большое спасибо. Не все стихотворения мне по душе. Не все, если бы умел, переводил. Но Ваше мастерство поражает. Завидую Вашему умению работать над стихотворением, и в этом нет ни малейшего преувеличения (выделено Дегеном, — М. Г.). Мне это недоступно. Даже писать об этом трудно. Поговорить бы!.. Жаль, что это лишь из области желаемого. Спасибо! Спасибо! Крепко обнимаю!
Ваш Ион.

После просмотра программы об Н. Заболоцком:

22.09.

Дорогой Михаил! Спасибо большое!!! Смотрел и слушал, не отрываясь, хотя сейчас для меня это непросто. Так и быть. Прицеплю рассказ, чтобы Вы поняли, о чём речь. Всего Вам самого доброго и светлого! Ваш Ион.

В этом письме впервые как бы между прочим он намекнул на свою болезнь. Оказалось, что болезнь уже запущена. Деген прислал мне свой подробный рассказ о ней, написанный летом и заканчивающийся словами:

Ну что ж, сейчас мне девятно второй год. Ещё юношей научился встречать смерть без паники. Главное — приучить внуков к тому, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Юмор в таких случаях — большое подспорье. Во мне нахально хулиганит тумор*, И так как я пока ещё не умер, Сильнее тумора еврейский юмор. Он даже обезболить умеет. Открытым текстом сказано еврею О том, что срочно ожидаем там. Чтоб облегчить труды гробовщикам, Сейчас катастрофически хуюею. Одно лишь не могу исправить жлобство — Любимым причину я неудобство. Понятно, что стихи такого сорта Позволено публиковать пост мортем.

Прошло четыре месяца. А я ещё жив. Состояние почти не изменилось. Заставляю себя есть, хотя даже любимая пища не доставляет мне удовольствия и воспринимается с трудом. Разумеется, очень похудел.

* Тумор — уплотнение, опухоль.

ЭКСОДУС, или Несколько слов о ближайшем будущем

Исход всегда без паники приемлю. Как часто я бывал к нему готов. Солдата долг — хоть на земле, хоть в землю, Без пафоса и без высоких слов. Нет, утешениям не внемлю. Бальзам? Зачем поток ненужных слов? Исход без паники приемлю. Фактически к нему уже готов.

05.07.2016.

ЛЮБИМЫМ

Чтоб облегчить вам муки ожидания, Старался басенкой, стихом, рассказом Уверить вас, что я прочнее зданья, В котором только хладнокровный разум...

06.07.2016 г.

26.09.16.

Спасибо, дорогой Михаил! Происходит ещё одно чудо в моей жизни. Вот уже пять месяцев, а я ещё жив. Задумываюсь, не совершает ли Всевышний какой-то эксперимент, в котором мне предназначена определённая функция. Но какая? После приезда в Израиль в памяти моей начали беспорядочно появляться обрывки стихов, написанных ещё в 1942 году. Сын советовал записать. Но я этого не делал, так как не мог вспомнить цельного. Доволен, что без моего участия харьковчане опубликовали четверостишие, которого я стеснялся, не публиковал и почти не читал:

А смерть с разрывом каждым всё зверее. И ждётся её один на сотне плаха, Не зная, есть ли страх у нееврея, А у еврея права нет на страх.

Воспоминанья в ночь, в часы тихи Не о комедии, на днях прошедшей, А об одной атаке сумасшедшей, И с ней давно пропавшие стихи. Но стих не весь. Всего лишь пара строк, Порой катрен давным-давно забытый. Садись. Восстанови стих пережитый. Но от безумий я уже далёк... Восстановить писания мои Возможно лишь в той страшной атмосфере. Но, к счастью, время то и те бои В сознании смутны, по крайней мере.

28.10.2016.

Простите, что морочу Вам голову. Привет и благодарность моим доброжелателям. Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

Отрывок из последнего письма:

25.01.17.

...Пожалуй, точная формулировка моего состояния — продолжается чудо. Преодолевая всё, даже пытаюсь чирикать вирши. И снова чудо. Продолжаю жить. Что это — наказание или награда? За что? За что? Неловко мне спросить. А для чего? Спросить, конечно, надо.

Простите, что занимаю Ваше время этой чепухой. Всего-всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В ответ я пытался найти подходящие слова. Написал и о гипотетическом эгрегоре множества людей, просящих за него: “Вероятно, не это определяет планы Всевышнего, но можно рискнуть предположить, что всё же как-то помогает тому, за кого просят”. К сожалению, это письмо и другое, в марте, остались без ответа.

У Дегена не было не только трагизма, а даже печали по поводу своего ухода: “Всему рано или поздно приходит конец. Теперь моя очередь”. Вот строки из его стихотворения “Молитва”:

За всё, Господь, благодарю — За радости и за страдания, За точно по календарю Цветение и увядание... ...За то, что вступу в час любой Вокруг меня родные лица. За то, что говорю с Тобой Я, не наученный молиться. За звонкий золотой закат, За день, что не напрасно прожит. За радость бытия стократ Спасибо, мой великий Бог!

28 апреля Ион Деген скончался. Его похоронили на тель-авивском кладбище “Кирьят-Шауль”.

Редакция газеты “Всемирные одесские новости” поздравляет постоянного нашего автора Михаила Гаузнера с получением премии Паустовского.

06.04.2014.

Дорогой Михаил! Нет слов, чтобы выразить Вам мою благодарность за популяризацию, которой, по-моему, не заслуживаю. Определёно, Вы тец-декламатор. Даже преодоление заикания придаёт шарм Вашей чудесной дикции. Забыл попросить у Вас прощения за обращение к Вам по имени. Но меня извиняют два обстоятельства. Во-первых, в Израиле даже к Богу обращаются на “ты”. Во-вторых, по моим подсчётам, Вам 75 лет, хоть выглядите Вы моложе. То есть для меня Вы пацан.

Будьте здоровы, счастливы, благополучны со всеми близкими! Ещё раз сердечная благодарность Вам! Всего-всего самого доброго и светлого!

Ваш Ион.

В одном из писем я спросил у Иона Лазаревича, не связывает ли его что-нибудь с Одессой. В ответ он написал:

Дорогой Михаил! За Вашу книгу большое спасибо. А вопросом Вы меня рассмешили. В пятом классе я учился в 49-й одесской школе, что на Полицейской, примерно угол Екатерининской. Это был 1936 год. Мама со мной, исключённым из школы, переехала в Одессу из Могилёва-Подольского. В Одессу потому, что до замужества долгие годы жила в ней, работая фармацевтом. Жили мы на Греческой площади, 3/4, в круглом доме. Все учителя, кроме преподававшего рисование, меня возненавидели. Он полюбил. Говорили, что в Одессе, конечно, есть бандиты, но такого мы ещё не видели. Короче, я не привился — в школе. В Одессе, наоборот, очень. Вероятно, не было трамваев, на самых невероятных местах которых я не объездил бы весь город и окрестности. Из-за меня маме пришлось вернуться в Могилёв-Подольский. Несмотря на возненавиденную мной 49-ю школу, я влюбился в Одессу. Когда в студенческую пору, и потом, и перед самым отъездом в Израиль я приехал в Одессу, это было подзарядкой моего аккумулятора. Всего самого доброго и светлого!

Ваш Ион.

В следующей программе, приуроченной ко дню начала Отечественной войны, я продолжил рассказ об Ионе Дегене, прочитал его рассказ “День рождения”, его стихи и передал ему видеозапись. Вот его письмо.

Дорогой Михаил! Получил и потрясён! Спасибо большое! Снова сомневаюсь в том, что достоин такого. Рассказ в Вашем исполнении прозвучал значительно лучше мною написанного. О втором отделении (о фронтowych поэтах, — М. Г.) просто молчу. До чего же здорово Вы его сделали! А когда Вы прочитали стихотворение Сергея Орлова, мне захотелось Вас обнять. Вспомнил, как летом 1945 г. в Москве меня привезли в Дом литераторов (потом ЦДЛ). На костылях вошёл в небольшой зал. В последнем ряду справа от двери сидел мужчина с лицом в рубцах от ожогов. Определённо танкист. Решил, что это Сергей Орлов. Не ошибся. Начал читать стихи. Сразу почувствовал холодок. Затем холод. Затем

ненависть. Только Орлов после каждого стихотворения складывал руки в беззвучных аплодисментах. Я посчитал, что он боялся показать свои чувства. Недавно внук Орлова объяснил, что он не мог иначе аплодировать сожжёнными ладонями. А тогда я написал:

Он аплодировал в тот летний вечер. Кому? Чему? Стихам? А может, мне? Случайная не двух поэтов встреча, А встреча двух убитых на войне. Увидел я горевшего танкиста. По костылям он вычислил меня. Старался уберечь меня от свиста, От своры литераторов храня? Одна всего лишь, к сожалению, встреча. Вся жизнь ценитель я его стихов. А те аплодисменты в летний вечер Дороже всех затем хвалебных слов. Я Вам очень благодарен! Надо же, такая награда! Спасибо, дорогой Михаил! Пожалуйста, передайте Вашим слушателям мою сердечную благодарность. Всего-всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В конце декабря 2014 г. Дегена чествовали в Большом Кремлёвском дворце. Он получил премию “Человек года” в номинации “Человек-легенда”. Пятитысячный зал стоя приветствовал его овациями. Я тепло поздравил Иона Лазаревича с этим событием и выходом документального фильма о нём.

27.12.2014.

Дорогой Михаил! Спасибо Вам огромное! Вы действительно мой добрый ангел. Ну что ещё я могу сказать?.. Благодарю Вас. Доброго Вам здоровья, радости и удачи в наступающем году!
Ваш Ион.

06.01.15.

Дорогой Михаил! Ни о какой переоценке не может быть речи. Недоцениваю. С удовольствием прослушал и программу о Рязанове. А с юбилеем Вы ошибаетесь. Юбилей от слова на иврите ювель — кратное пятидесяти. А мне, если захочет Всевышний, исполнится в этом году 90. Ещё раз большое спасибо! Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

После просмотра присланной мною презентации молодого одесского поэта:

14.01.15.

Мальчик явно талантливый. Но не могу я быть с Вами неоткровенным. Что-то меня в этом мальчике останавливает. Какое-то непонятное недоверие. Простите, виноват. Я предпочитаю не осуждать людей, даже имея основания. Но, к сожалению, осталась фронтowych привычка выбирать члена экипажа. И повторяю: только Вам я мог это написать. А девочка-пианистка — прелесть. Но, зная себе цену, она иногда забывает об аккомпанементе. Доминанта! Будьте здоровы, счастливы, благополучны, удачливы!
Ваш Ион.

В ответ на мою фразу “Благодарю Вас за

Так это было. Там и тогда

"Итак, господа обыватели, верящие, что румыны не убивали, заблуждаются — румыны убивали!"
В. Тирмос, Я. Верховский.

Они мои земляки, одесситы. И 16 октября 1941 года, когда румынские войска вошли в город, мальчику Янкале Верховскому было десять лет, а девочке Ролли (так звали тогда Валентину) — только пять. Почти все 900 дней оккупации эти дети провели в ставшей столицей Транснистрии Одессе буквально на грани гибели. И только по стечению невероятных случайностей избежали участи 40 тысяч еврейских детей, нашедших мученическую смерть в нашем городе.

Шли годы. И на фоне реальной и вполне успешной по тем меркам жизни в подсознании каждого то и дело всплывали страшные кадры из детства, от них некуда было деться. Иногда казалось, что если зафиксировать свои ощущения, записать то, что вспомнилось, это поможет избавиться от засевшего в подсознании страха...

В начале 90-х, опять-таки по стечению обстоятельств, эти двое из Одессы, чудом спасшиеся от гибели, находят друг друга в совсем другом месте жительства — в еврейской стране Израиле. И выясняется, что старый фильм ужасов, не дававший каждому спать по ночам, у них общий. И тогда главным делом для Якова и Валентины становятся книги, которые они пишут сообща. Не полагаясь на детскую память, обращаются к исторической, мемуарной литературе, архивным документам. Список использованных ими источников насчитывает сотни, если не тысячи единиц!

Мы давно знакомы, и я знаю, как они работают: если документы — только в оригинале, если копия — только снятая лично ими; свидетельства — только от первого лица. Никаких "говорящих", "рассказывающих", "мне кажется". Я видела в их доме стеллажи от пола до потолка, заполненные специальной литературой, папками с газетными вырезками, документами, письмами — все это на разных языках: русском, украинском, румынском, немецком, английском.

Воронка углублялась и расширялась, стал проявляться фон, на котором замыслилось и творилось это подлейшее действо: преследование с целью уничтожения еврейских детей, их родителей, их соплеменников в прекрасном городе Одессе, а также на огромных просторах Восточной Европы. И явно обозначилась вся механика запуска кровавой бойни, унесшей миллионы человеческих жизней. Детские воспоминания двух далеко не молодых уже людей обрели мощный, аргументированный документами и прямыми свидетельствами исторический фундамент.

Первой появилась 600-страничная, солидно изданная московским издательством "Олма-Пресс" в 2005 году книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны". Валентина Тирмос и Яков Верховский пришли к своей версии, отличной и от "традиционной", и от "суворовской".

Они убеждены, что Сталин, этот великий лицедей, вовсе не сомневался в разведанных. Он только делал вид, что им не верит! Это был блеф, продуманный и спланированный — он хотел, чтобы Гитлер напал первым, и тогда он, Сталин — жертва агрессии, на его стороне миролюбивое человечество, он обретает мощных союзников, мощную помощь!

Так исследования фона, на котором взбухала треклятая та война, обстоятельств, при которых возможным стало уничтожение миллионов людей только за то, что они — евреи, побудили отложить на время детские воспоминания. На первый план вышла другая книга, где по дням и часам, со ссылками на документы изложены предвоенные действия на историческом театре мира. Эта первая книга вызвала серьезный интерес историков и политиков, привлекла широкий круг читателей, ее до сих пор обсуждают в Интернете, о ней спорят.

В 2009 году в Тель-Авиве у авторов выходит вторая книга: "Жизнь, поставленная на перфокарту". Занесение данных конкретных евреев на перфокарты было виртуальной селекцией, предворающейся реальной. "В Германии тогда, когда готовилось "окончательное решение", были вычислительные машины?" — удивилась я. Были, оказывается. Там уже действовал один из филиалов выпускавшей эту технику американской корпорации IBM. И глава корпорации, магнат Томас Дж. Уотсон, ставший личным другом Гитлера, получил от него высочайшую награду рейха — орден Заслуг германского орла. Как известно теперь, не менее ста американских компаний сотрудничали с нацистской Германией, в их числе — "Дженерал Моторс", "Форд", "Крайслер" и пр. Однако первым получил этот орден Уотсон. Он его "заслужил" — цитирую авторов книги: "Не нужно думать, что селекция евреев началась в лагерях смерти. Нет, самая роковая селекция началась... ранней весной 1933-го. С помощью шелкающих перфораторов. Без идентификации и селекции евреев невозможно было бы их уничтожить...". Авторы книги убеждены, что Уотсон, чьи машины обслуживали Холокост, должен был занять одно из мест на скамье подсудимых в послевоенном Нюрнберге. Но нет, он благополучно прожил отпущенные ему годы, оставаясь одним из самых богатых и влиятельных граждан США.

И вот недавно в Интернете появилось сообщение генерального директора ростовского издательства "Фолио" Александра Красовицкого: "Одесса времен второй мировой. В июне в "Фолио" выходит книга Якова Верховского и Валентины Тирмос "Город Антонеску". Они были детьми во время этих страшных дней. Ей было пять лет в 1941-м, ему — десять. Почти 800 страниц рассказа об истории Одессы тех лет. Одна из жемчужин нашей программы 2017 года".

Итак, появился событийный повод для актуального интервью с авторами. Предпочтительно виртуально — для оперативности.

Белла КЕРДМАН.

Я поздравляю вас, Валя и Яша, с выходом в свет главной, как понимаю, книги из задуманной вами серии разоблачений "решателей еврейского вопроса". Среди них, как со временем становится все яснее, не только Гитлер и его команда. Когда вышла ваша первая книга "Сталин...", вы говорили, что она — первая часть трилогии. Второй была "Жизнь, поставленная на перфокарту" — небольшая по объему, но очень важная для понимания обстановки в мире, на фоне которой стал возможен Холокост: как отнеслись к "решению еврейского вопроса" Гитлером другие страны, в том числе — союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Кстати, американский юрист, не еврей, Тони Танаки подготовил сейчас иск против Велли Кобритани по обвинению в пассивном содействии нацистам в уничтожении евреев — на основании документов, которые, наконец, рассекретили. "Город Антонеску" — сам по себе, или, считаете, все три связаны между собой?

И почему вы назвали так, как назвали, в этой своей книге наш город, да и саму книгу?

Валентина ТИРМОС и Яков ВЕРХОВСКИЙ

— Назвали, поскольку то, что там и тогда происходило, не могло произойти в нашей Одессе. Такое могло случиться в городе, ставшем монстром, чудовищем, "городом Антонеску".

Вы спрашиваете, как эта книга стала для нас главной и связана ли она с первыми двумя — "Сталин. Тайный сценарий начала войны" и "Жизнь, поставленная на перфокарту". Связана, конечно. Но это не продолжение тех книг, она не случайно стала главной — это книга нашей жизни. Все, пережитое в детстве в "городе Антонеску", как лента старого черно-белого кино, всю нашу жизнь плыло перед глазами. Мы видели себя на этих "кадрах" маленькими, оборванными, голодными и слышали окрики убийц и лай собак. И видели лужи крови, и видели повешенных, замученных, забытых. И чувствовали тот давний леденящий душу ужас.

В какой-то момент стали записывать эти срезы детской памяти. Трудно даже сказать, зачем. Мы тогда, конечно, не думали о написании книги. Записывали просто так, не стараясь что-либо утаить или приукрасить, не боясь погрешить перед принятой "исторической правдой". В те дни, по правде сказать, и не зная, в чем она заключается.

Впоследствии, в процессе 20-летней работы в архивах, после выхода в свет двух исторических книг, мы вдруг "вернулись в детство" и вспомнили о хранящихся где-то у нас "детских записках". Мы называем их не "воспоминаниями", а "детскими рассказа-

ми", потому что это действительно рассказы детей — "здесь и сейчас": страшная действительность, увиденная детскими глазами.

Напечатанные на пишущей машинке, желтевшие от времени, те листки выглядели непривычно для наших "компьютерных" дней, но мы отнеслись к ним с любовью. Оставили, как есть, ничего не поправляя, не добавляя накопленного нами за годы взросления, свободными от всей архивной и прочей исторической "шелухи".

Вы обратили внимание, Белла, что эти рассказы часто даже опровергают очевидные факты? Но именно в этом их сила. Наивные и порой смешные рассказы "от Ролли" и "от Янкале" стали основой книги "Город Антонеску". Создавая контраст с ужасом реальных, они подчеркивают этот ужас.

Б. К.

— Я не раз слышала в Одессе, в том числе и от одной моей близкой знакомой, что румыны-де были терпимее немцев к местному населению, толерантнее. Более того, при них жизнь была ай-люли, не то что при Советах. Это говорили, разумеется, не евреи. Когда я вернулась из сибирской эвакуации в декабре 56-го года (15 лет прошло в Сибири, там окончила школу, университет, отработала три года в газете) — пришлось заново обзаводиться знакомыми и друзьями. Никого из еврейских соседей из довоенного двора по ул. Манежной, 26 я не нашла. Никого из соучеников-евреев из своей школы № 38 — тоже. И вообще вы, Валя и Яша, стали первыми моими знакомыми-одесситами, выжившими в нашем городе во время оккупации. При "толерантных" румынах. Ставили ли вы перед собой задачу развенчать этот подлый миф? Удалось ли это вам, как считаете? Возможно, у вас есть статистика: сколько евреев уничтожили в Одессе румыны?

В. Т. Я. В.

— А знаете, Белла, ваша знакомая права: румыны действительно были толерантны к местному населению. Более того, в "городе Антонеску" возник некий симбиоз оккупантов с оккупированными (исключительно теми из них, кому повезло не родиться евреями). И даже образовалась некая их совместная "новая одесская элита".

О трагедии евреев Одессы мы еще поговорим. А вот остальные действительно попали в сказку. Говорят, что море в Одессе никогда еще не было таким синим, солнце — таким ласковым, а помидоры — такими красными, как "при румынах".

Посмотрим на эту "картину маслом". Из 600 тысяч жителей Одессы около 450 тысяч каким-то образом "исчезли" — ушли на фронт, эвакуировались или же были уничто-

жены. В "городе Антонеску" остались всего 140 тысяч. И этим оставшимся досталось все: квартиры, мебель, ковры, картины, хрусталь и фамильное серебро. Золотой дождь пролился на их головы, было от чего потерять рассудок.

Особенный интерес вызывали "бесхозные" квартиры. Даже оставшиеся в городе наши врачи, гордость Одессы, не гнушались захватом квартир. Так, профессор Коровицкий переехал на Коблевскую, 29, профессор Живатов — на Ланжероновскую, 19, профессор Шевалев — на Гоголя, 19, а доцент Союра — на Коблевскую, 42. Все они, конечно, немедленно возобновили прием больных. Приватный, разумеется.

Почти одновременно в городе открылось 13 комиссионных магазинов, 34 парикмахерские и бесчисленное множество ресторанов и так называемых "бодег" — пивнушек и рюмочных. А еще — две гостиницы для поваливших из Бухареста спекулянтов и восемь заезжих дворов для потянувшихся в город крестьян с различными продуктами. А еще — театры, кинотеатры, ночные клубы и, конечно, бордели различных уровней. Всего и не перечислить. Жизнь потекла сытая и веселая, забурлила "молоком и медом".

Теперь о евреях. Нет ничего удивительно, Белла, что, вернувшись в Одессу из эвакуации, вы не встретили здесь своих довоенных соседей и соучеников. Их там уже не было. Их вообще больше не было. Нигде. В Одессе, где с самого ее основания, со времен Хосе де Рибаса и дюка де Ришелье, евреи составляли треть населения, их не стало совсем.

За первые пять месяцев оккупации палач Антонеску сумел доказать на деле, что "окончательное решение еврейского вопроса" осуществимо. Все оставшиеся в Одессе евреи, около 155 тысяч, были уничтожены — повешены, расстреляны, сожжены. Эти страшные данные исчислены и озвучены в нашей книге впервые.

После освобождения, в апреле 1944-го, Одессу посетил корреспондент ВВС Александр Верт. Английский журналист был поражен, он пишет: "...это была уже не та Одесса, какую мы знали. Это была Одесса без евреев".

Удалось ли нам развенчать подлый миф о "толерантных" румынах, будут судить читатели книги "Город Антонеску".

Б. К.

— Эта одесская "новая элита" занимала уже "бесхозные" квартиры. Но перед тем "добрые соседи" позаботились, вероятно, об освобождении вождельной "жилплощади" от ее хозяев-евреев. Сохранились ли в одесских архивах имена

доносчиков, тексты "телег", как называют доносы на новоязе? Есть ли у вас оригиналы таких документов?

И второй вопрос. Светлой памяти еврейский писатель Михаил Лев, прошедший войну, немецкий плен и побег в партизаны, однажды мне сказал: "Запомните: ни один еврей не мог выжить во времена оккупации без помощи местных "титულიной" национальности. Кто-то спрятал, рискуя своей жизнью, кто-то поделился куском хлеба, а кто-то просто показал дорогу в безопасное место". Я запомнила. А вы, Валя и Яша, помните таких праведников?

В. Т.

— Сначала ответим на ваш второй вопрос, сугубо для нас важный. Разумеется, мы всю жизнь помним тех, кто нас, еврейских детей, спасал в оккупированной Одессе! Я расскажу о Харитоновых. У моего отца Изи был друг Тимофей Харитонов, для меня, девочки Ролли, дядя Тима. Возможно, они познакомились на студенческой скамье инженерно-строительного института, а возможно, что и раньше и что друг Изи привел Тиму в институт и помогал ему во время учебы. А может, наоборот — толковый и усидчивый Тима тащил за собой легкомысленного ловеласа Иziu. Вместе получили они инженерные дипломы и вместе начали свой трудовой путь. Не разошлись друзья и тогда, когда неожиданно тяжелейшая болезнь сердца (как говорили тогда, "грудная жаба"), лишила Тиму возможности нормально жить и работать. Тимофей как сел в кресло (по дому он, думаю, все же ходил), так и просидел 38 лет, до самой своей кончины. И все эти годы мой папа Иза поддерживал друга и терпеливо носил ему работу на дом.

Харитоновы, Тимофей и его жена Нина, проживали в доме на углу улиц Пушкинской и Троицкой. Из подъезда довольно крутой лестничной марш вел на застекленную веранду, а оттуда — в их небольшую, зато отдельную, без соседей квартирку. В этом доме эти люди не раз укрывали нашу семью или меня, Ролли, когда папа и мама были арестованы или скрывались в другом месте.

Сразу после войны дядя Тима отправил Эренбургу письмо — целый пакет документов, разоблачающих "толерантных" оккупантов. В нем были собраны все номера газет, выпускавших муниципалитетом в ту пору. И, цитирую дядю Тиму: "...все приказы, касающиеся несчастных евреев, и среди них приказы о том, что каждый, давший приют еврею или спрятавший его, будет расстрелян на месте вместе с этим евреем". Но ни слова не написал человек о том, что, читая такие приказы, он, тем не менее, давал приют евреям, что, не считаясь с прямой опасностью для жизни, спасал семью своего друга Изи. Мы с Яшей нашли письмо Тимофея Харитонova среди документов мемориала "Яд Вашем" (это была копия на пишущей машинке, дядя Тима свое письмо наверняка писал от руки).

Я. В.

— В борьбе за выживание были случаи, когда нашим родителям помогали русские, украинцы и, как это ни парадоксально, этнические немцы и румыны. Вместе с тем, к сожалению, это является исключением. А исключение только подтверждает правило. Известно ведь, что в уничтожении евреев принимало участие местное население оккупированных стран. Иначе не были бы уничтожены миллионы евреев.

В нашем архиве есть немало документальных подтверждений этого многовекового, к сожалению, правила. Вот, например, донос — типичные, несколько из сотен (скорее, тысяч).

В отчете секретного сотрудника сигуранцы — одессита Игоря Брижичского — от 28 ноября 1941 года приведены семь доносов на евреев и коммунистов. Вот краткое содержание одного из них. Как сообщает школьная учительница Стасенко, директор школы, гражданин Загальский Алексей Иванович, проживающий в доме № 58 по Успенской (вход со двора), укрывает свою жену-еврейку Клавдию Клейман и ее сына от первого брака Вадима, еврея, 18 лет, которого он когда-то усыновил.

Донос от 24 ноября 1941-го, регистрационный № 104. Гражданка Тимофеева доносит, что в доме № 12 по Сретенскому переулку проживают старики-евреи Френкель, а также пожарный Шура Евдокименко с женой-еврейкой Ольгой Штигельман, которая спрятала свой еврейский паспорт в платяном шкафу.

Донос от 27 февраля 1942 года, регистрационный № 166. Две милейшие старушки, сестрички Мария и Клавдия Пеневы, проживавшие в доме № 8 по улице Гоголя, доносят о том, что их давняя приятельница жи-

довка Мириам Флит, проживавшая ранее в доме № 13 по Софиевской, скрывается на Слободке, в доме № 30 по Гоголевской улице, и приводят много другой "полезной" информации, в том числе и о людях, помогающих ей скрываться.

Ксерокопии всех этих, иногда многостраничных, доносов хранятся в нашем архиве и частично приведены в книге "Город Антонеску".

Б. К.

— Помнится, уже опубликованы были две первые ваши книги, когда вы съездили в Одессу, посетили места своего детства в оккупированном городе. Это нужно было для книги, которая сейчас выходит?

В. Т., Я. В.

— Это нужно было для нас, особенно — для нашего сына Саши, который поехал с нами. Мы не думали тогда о книге... Нет, не так. Мы не переставали о ней думать. Внутренняя работа над ней шла непрерывно, эта книга как бы созревала в нас. Разумеется, какую-то подзарядку для нее Одесса тогда нам дала.

В. Т.

— Я вспомнила один эпизод тех дней. Когда мы вошли в одесскую тюрьму, она представляла собой, как нам объяснили, "действующий объект, в котором содержатся особо опасные преступники — грабители и убийцы". Грабителей и убийц, естественно, охраняли особые надсмотрщики — дюжие парни весьма устрашающего вида. Эти надсмотрщики во избежание неприятностей были приставлены и к нам.

Мы вошли в здание тюрьмы, на "круг", и подошли к тому месту под лестницей, где, как я помнила, ребенком пряталась от убийц-окупантов. И, наверное, разволновалась. Стала плакать. Тогда один из надсмотрщиков — огромный белокрысы парня — протянул мне кружку с водой и сказал: "Попей, попей, дочка!" Он так и сказал: "дочка". Хотя вполне мог бы сказать "бабушка".

Услышав это невероятное обращение, я как-то сразу пришла в себя, взглянула на этого человека и именно тогда усекла, как он молод и белокрыс и какие у него добрые синие глаза.

А теперь, вспоминая тот эпизод, я все думаю, какое удивительное существо — человек! Как в одном и том же человеке может ужиться жестокость (не случайно же стал этот парень надсмотрщиком в тюрьме) и доброты (не случайно же он назвал бабушку дочкой)...

Б. К.

— А я вспомнила сейчас генерала Александра Иулиановича Галинского, главного начальника тюремного ведомства Одесской области, который помог вам тогда получить допуск в место заключения девочки Ролли и ее родных. Я познакомилась с генералом, когда он прилетал по делам в Израиль. Впечатлили ордена с изображением наших древних Храмов, Первого и Второго, на его груди. Такие награды, как выяснилось, были учреждены в Украине в честь возрождения там еврейской общины. А вот за что получил их он, Галинский, сын родителей, помогавших в войну партизанам и спасавших евреев, удалось узнать не сразу. Генерал долго отнекивался, а когда, наконец, "расколосился", выяснилось: за то, что заключенные-евреи в подведомственных ему заведениях получают при желании кошерную пищу и возможность не работать в субботу. Так почему он так долго уклонялся от ответа на вопрос о наградах? А потому, ответил генерал, что хвалиться как-то неудобно. Чем тут хвалиться — что ты нормальный человек? Вот вам еще один нетипичный "мент".

Пора, однако, завершать наше интервью. Задам последний, традиционный для меня вопрос. О чем, для вас важном, я не спросила? У вас есть ответ, хотя вопрос не прозвучал?

В. Т., Я. В.

— Мы пишем по-русски, однако наши книги, публикации о них, выходят и на других языках. Так, книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны" вышла в Израиле на иврите — под красноречивым названием "Блеф". Перевод сделал известный писатель Эфраим Баух. Книга "Город Антонеску" выходит в издательстве "Фолио" на русском и на украинском. Эта книга далась нам нелегко — нам как будто пришлось вновь побывать в "городе Антонеску", пережить наше детство. Но мы счастливы, что сумели завершить этот труд и сказать правду о черных днях нашего города.

Всю правду и только правду, без политических предпочтений, без оглядки на утверждения историков, без страха перед людским и Божьим судом. Без ненависти и только с любовью. С огромной любовью к нашему родному городу Одессе и к его детям — одесситам, рассеянным сегодня по всему свету.

Владимир ТАЙХ

Двенадцатый

Меня поднимали, переворачивали, крутили, играли мною, как дети куклой, которая их раздражает, потому что порядком надоела. Я слышал их голоса, больше догадывался, чем чувствовал уколь шприцев то в руку, то в ягодичи, не понимая, о ком они говорят и кого колют.

— Квизилетаргическая кома, ишемия головного мозга. Звони, звони, Зиночка. Может, какой-нибудь стационар примет.

— Уже семь отказалось. Восемь. Девять... берут!

— Тогда летим мухой. В Алтуфьево. К профессору Семитко. Хорошая больница.

— И фамилия доктора подходящая.

Сирена мешает думать. Я совсем не плохо себя чувствую, говорю об этом врачам, но вскоре понял: они не слышат меня, я говорю мысленно, без звука, как говорят инопланетяне в фантастических романах — слова идут из мозга в мозг собеседника, минуя стадию звука. Инопланетянин! А ещё я чувствую свою голову не там, на плечах, где обычно она была, а дальше, примерно, в метре от туловища. Оттуда и доходят слова, мысли, видения.

Телевизор почему-то стоит ко мне боковой стенкой. Голос диктора: "Посмотреть на редкое явление — первого инопланетянина на Земле — прибыл сам Генеральный секретарь великий Брежнев".

Пространство начали заполнять широкие туловища в пиджаках, но вот они расступились, на авансцену вступил квадратный вождь. Слева на груди — четыре золотые звезды. Ассоциация с коньяком. Вот сейчас бы... Вокруг вождя мельтешит некто с острой мордочкой. Суходрев, личный переводчик. То в одно ухо шепнёт, то во второе, то в затылок. Ильич же ничего не понимает. Сказать ему... но, боже, забыл, совершенно, позорно забыл имя вождя. Отчество помню, имя... хоть убей. Молчу.

А Ильич потерял ко мне всякий интерес, повернулся к Суходреву — нос к носу, беседуют. Слышу:

— Ему переводить не надо, эти гады все по-русски где-то выучились.

— А почему у него метровая шея?

— Учёные считают: марсианская конструкция.

Вот Суходрев стал ему долго что-то втолковывать, ритмично маша руками, будто репетируя с ним речь. Вождь в такт кивал подбородком.

Наконец, он жестом остановил переводчика и повернулся ко мне фасадом. Направил палец на меня, но глаза скоисил к Суходреву:

— Товарищ — марсианин?

Боже! Знакомые до слёз интонации брежневского голоса и говора. Десятки поклонников от Хазанова до Галкина пытались повторить нотки этого голоса-шедевра. Что-то получалось. Но подражатели в любой области никогда не добивались высот оригинала.

А в это время моя какая-то периферийная часть мозга мучительно пыталась вспомнить имя. Его имя. Решил перебирать, начиная с буквы "а".

— Александр Ильич, Андрей Ильич, Арнольд... нет, не то.

— Борис Ильич, Бенедикт... нет

— Василий, Виктор, Васисуалий...

Я уже подходил к букве "л", когда услышал:

— Леонид Ильич, задайте вопрос гуманно!

Вождь поднял подбородок, расправил плечи. И сказал. Как сказал!

— Вопрос. Есть ли жизнь на Марсе? Аплодисменты.

Моего ответа он, естественно, не услышал. Суходрев на ушко:

— Так он же живой. Это косвенное свидетельство того, что жизнь на этой планете, скажем так, не исключена.

— Совсем ты, Витёк, зарепортовался. Какая жизнь, какая планета?

Расступились, в образовавшемся коридоре растяла спина вождя.

А я вспомнил случай, впрямую аналогичный сегодняшнему. Леонид Ильич спросил у какого-то высокого американского деятеля, и тоже с подачи Суходрева. Чтобы показать уровень интеллигентности:

— Do you speak English?

И это будто бы сочли за блестящий образец остроумия.

Всегда знал, что это было. А теперь вдруг усомнился. Не анекдот ли это?

Вдруг всё как-то резко изменилось. Я понял: смолкли сирены, меня вынули и повезли. Вот и реанимация, койки на колёсах. Хитрые рычаги и рукоятки. Между коек снуют ангелы — девушки, тонкие, как стебельки, и с милыми личиками.

— Ничего удивительного, — решил я. — Каковы девушки в городе, таковы и в лечебных заведениях.

Поставили капельницу, на тумбочку какой-то телефон со слабо светящимися в темноте цифрами.

— Миленский, если что, нажми на любую клавишу или на все сразу. А чтобы не вставать в туалет, вот тебе... две штуки, ставлю на табуретку.

И ушла. Прелестное видение. А сосед слева уже напевал: "Летят утки, летят утки..."

"И два гуся", — беззвучно подпевал я.

В реаниматорской темно. Я проваливаюсь куда-то, возвращаюсь непонятно куда, перед глазами — слабо светящиеся цифры на клавишах.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

День от ночи отличается лишь более интенсивным полётом белых ангелов. Ловлю обрывки их фраз, иногда любопытные:

— Вы не в гадюшнике, вы в КГБ. (Ничего себе!)

Один раз конкретнее:

— У нас, в КГБ № 81, порядки устанавливает руководство. (Вот те раз!)

Старческий голос, почти сварливый:

— Третья хорошая "кардиограмма", значит, выбрался. Бог троицу любит.

Троица, три! Число, которое в сознании живущих со мною в одной стране считается счастливым. Три и кратные ему. Два по три, три по три, двадцать три по три... Может, и моё спасение в этой цифре. Но как? Как получить сигнал Оттуда? Сигнал, пусть не обещающий, но хоть дарящий надежду. Надежду на возвращение в обычную, будничную, для многих скучную, клытую, но такую притягательную, сладкую жизнь.

Я утомился, уйду Туда, возвращаюсь. Всё так же перед глазами тускло светящаяся клавиатура.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

Господи, но это же цифры! Вдруг в них послание тебе, дураку? Вот первая строка — число 123. Кратно ли оно трём? Цифры должны крутиться в моей голове впереди лежащей голове. И результат! Да! Да! Да! 123 = 41 x 3. Какое облегчение, блаженство. Засыпаю.

Пробуждение фиксирую лишь появлением мерцающей клавиатуры. Надо идти дальше. Вторая строка — число 456. Это потруднее. Эх, был бы калькулятор. Но надо взять и эту вершину. Цифры в голове прыгают, как в старом арифмометре, иногда пропадают. Приходится начинать заново. И вновь победа! 456 = 152 x 3. Yes! Мысленно сжимаю кулак, и... вот оно — показалось, что моя бедная голова лежит уже чуть ближе.

Который день я здесь? Красавица, умопомрачительно изогнувшись, подлила что-то разноцветное из трёх пузырьков в мою капельницу. А я мужественно приступил к третьей горизонтальной строке. 789! Цифры, как бешеные, выпрыгивают из моих глаз и запрыгивают назад, рана и без того саднящую роговичу. Эту победу я воспринял спокойнее. Каково! 789 = 263 x 3. Все три горизонтальных числа кратны трём — три вести мне, дарящие Надежду! И я пошёл дальше. Взглянул горизонтальные числа справа налево 321 = 107 x 3, 654 = 218 x 3, 987 = 329 x 3.

Это уже пахло научным открытием. И я решил. Решился на штурм этого математического Монблана! Взглянул за вертикальные колонки цифр. Голову стал ощущать почти в нужном месте. Если бы мог двигать руками или головой, потрогал бы её.

Неделю я потратил на это исследование. Чувствую, что если я ещё не сравнялся с Перельманом, то где-то мы уже рядом. Он на "П", а я на "Т". Как вы уже догадались, все три вертикальных числа, читаемые сверху вниз, как и снизу вверх, оказались кратны трём. Факт научный! Открытие!

Я блаженствовал! Но скоро понял, что настоящий учёный не может долго почитать на лаврах, надо двигаться и двигаться по ведущей к небу лестнице. И я взял цифры по диагонали. 357, и 159, и 753, и 951. Победа! Это была цепь триумфов. Меня преследовало везение. Трёхзначные числа-птички 153 и 351, 957 и 759 — все не вышли за рамки концепции.

Осталось последнее. Почему-то я уверовал, что в математике целое должно аккумулялировать свойство всех его частей. Это было форменным сумасшествием, но отступать было некуда. Это уже было не ради своей частной жизни, а для вечности, для Науки! И хо-

тя это было сверх моих сил, я готов был к подвигу и свершил его.

Я поставил перед моим взором девятизначное число 123456789 и неделю в уме, в остатках ума, делил его на три. И победил, вот результат: 41152263. И апофеоз: второе девятизначное тоже сдалось — 987654321 : 3 = 329218107. В правильной теории не может быть исключений! Держись, Гриша!

Мой ангелок в прелестной позе подливал мне жижи в капельницу, запах её духов ошеломил. Я смотрел на неё и улыбался во весь рот. Она взглянула на меня, но вместо ответной улыбки поблелела и изобразила смертельный испуг. Будто увидела чёрта, гуляющего по преисподней.

— Доктор, доктор, — закричала она. — Нина Кузьминична, позвоните доктору, больной очнулся.

Вокруг меня собрался весь персонал реаниматорской.

— Ну что, оклемался, касатик? — тот самый сварливый голос, теперь добрый и ласковый. — Доктор велел везти тебя к нему в отделение. Это на четвёртый этаж. Э! Да ты и говорить стал? Так вот, всего этажей семь.

Из лифта покатали в палату. Кроме меня, ещё двое. Поздоровались, я назвался. Оказалось, все трое Владимирсы. Ещё одно знамение. Троица. Профессор не вошёл, влетел. Молодой человек с курчатовской бородкой.

— Господи, так вот ты какой, мой двенадцатый с таким диагнозом. А как лечить человека в коме, когда он без сознания, без чувств, без еды и питья? А ты-то небось как изумился, неожиданно открыв глаза? Вдруг оказалось: ты в больнице. Как попал?

— Да нет, профессор, я всё время был в сознании, все понимал, только не мог ни говорить, ни шевелиться. И всё видел и слышал.

— Потрясающе! Это для меня открытие огромной важности. Думаю, что это сообщение поможет выработать методику лечения твоей хвори, что пока ещё не имеет названия. Тебя питали через капельницу, переходил на нормальный способ питания. Завтра я соберу тройку (!) специалистов, будем беседовать, запишем твой рассказ. Это встряхнёт московскую, да и российскую медицину. В первый раз такое, и у нас, в 81-й!

— В КГБ 81-й?

— В каком КГБ? А... нуда! В клинической городской больнице № 81. Ниночка, Джамия, на вас надежда. Вы должны быстро и грамотно адаптировать его к обычному способу питания.

Через три дня в кабинете профессора меня встречали кроме него две дамы и пожилой профессор из первой медакадемии. Дама-невролог была юна и ослепительно красива.

— Эх, милый, вы ничегошеньки не поняли. Вы первый, оставшийся в живых, и вышли из той квазилетаргической комы только благодаря той нечеловеческой работе мозга, создавшей напряжение такой силы, что все элементы продуктов отравления были вытеснены из коры полушарий и гипофиза. Ваше сообщение о том, что больной всё слышит и понимает, бесценно.

Вывод: параллельно с медикаментозным необходимо опробовать методы внушения, сильного внушения, гипноза. Нужно спровоцировать больного на работу мозга, близкую к панике. Устроить аврал, всеобщий аврал, чтоб все клетки работали через силу. Почти на разрыв. Потом уже искать способы купировать состояние сверхвозбуждения.

Вам, девочки, с лхвхой на две диссертации. Ну а ваши дела как, больной?

— Начал есть с удовольствием больничные щи и тушёную капусту.

— Идите, отдыхайте. Нам ещё думать, много и долго думать.

Через неделю попросил его выписать меня. Устал от анализов крови и энцефаллограмм.

— Нет, дорогой. Мы ещё не готовы расстаться с тобой. Потерпи.

Дня через три я шёл за ним по коридорам отделения. Задать вопрос ему не было возможности. Только я открываю рот, звонит его телефон. Отвечает он кратко, но телефон звонит снова и снова. Уже на пороге его кабинета. Звонюк.

— Да, Семитко, Сергей Петрович. Нет, не Пётр Сергеевич, наоборот. Тогда бы...

— Тогда бы вы были Антисемитко.

Выпалил я и смотрел на него с открытой, почти наглой улыбкой. Он выключил телефон и пристально уставился мне глаза в глаза, будто выживая признаки издёвки. Я улыбался почти лучезарно.

— Вы правы, друг, хамство — первый признак выздоровления. Звоните родным, завтра я вас выписываю.

Владимир ХАНЕЛИС

Вера Холодная — внучка Веры Холодной

Эта женщина с глазами библейской мученицы и капризным ртом — королева русского кинематографа начала XX века — прожила на свете всего 26 лет. Из них она снималась только пять. Она — единственная русская актриса немого кино, чье имя знают во всем мире. Она — единственная и неповторимая Вера Холодная (05.08.1893, Полтава — 16.02.1919, Одесса).

Вера Холодная-внучка родилась и живет в Стамбуле.

— Каким образом ваша семья оказалась в Стамбуле?

— Бабушка скороспостижно умерла в Одессе от "испанки" (тяжелый вид гриппа с легочными осложнениями, — В. Х.) в феврале 1919-го, а дедушку (Владимира Холодного, юриста, героя Первой мировой войны, награжденного за храбрость золотым оружием, — В. Х.) через несколько месяцев после ее смерти расстреляли в Москве большевики. Сестра бабушки тетя Надя вышла замуж за обрусевшего грека, стала греческой подданной. Она взяла на воспитание и оформила опеку над дочерьми покойной сестры. В 1920-х годах они все уехали в Стамбул.

— Как сложилась их судьба в эмиграции?

Вскоре после приезда в Турцию тетя Надя отправила мою маму Нонну и ее сестру Женю в Болгарию, в русскую гимназию. При ней был интернат. Окончив гимназию, мама осталась в Болгарии, училась на балетных курсах Софийского оперного театра, выступала на его сцене. В 1934 году в Болгарию приехал на гастроли Федор Иванович Шалапин. Он устроил конкурс для русских балерин. Мама стала одной из победительниц и отправилась для выступлений в Париж, в знаменитую Гранд-Опера. Но вскоре вернулась — жизнь в Париже ей не понравилась.

В 1939 году мама приехала в Турцию. Ей было 26 лет. Строгая тетя Надя решила выдать ее замуж, нашла жениха, Владимира Стрикалкина. Он увлекался фотографией, владел фотоателье. Я была первым ребенком, поэтому меня назвали в честь бабушки — Верой. Потом родились два моих брата. Но родители развелись. Мама сама содержала семью, давала уроки танца, балета, гимнастики. Пела нам русские песни, читала русскую классическую литературу. Мы учили с ней русскую азбуку.

Когда маме было 50 лет, она познакомилась с русским эмигрантом Антоном Антоновичем Горачеком. В молодости он служил тапером, играл во время сеансов с фильмами Веры Холодной. Горачек был старше мамы на двадцать лет, замечательно играл на фортепиано, скрипке, виолончели, владел несколькими языками. Они жили очень счастливо.

Тетя Надя вторым браком была замужем за русским американцем Николаем Лапикеном.

Кроме Нади у Веры Холодной была еще одна сестра, Софья. Она не эмигрировала, стала балериной, танцевала на сцене Одесского театра оперы и балета, вышла замуж, родила двух детей. После приезда Евгении и Нонны в Калифорнию начала переписываться с племянницами. По ее приглашению Женя ездила в Одессу. Нонна никогда не приезжала в Россию. Наверное, не могла забыть, что отца расстреляли большевики.

Когда Евгения Холодная приехала в Одессу, то местные власти забеспокоились. Они понимали, что она захочет посетить кладбище, на котором восьмилетней девочкой похоронила мать, увидеть ее могилу. А что показывать, когда Первое христианское кладбище давно, еще в 1932 году, снесли и на его месте разбили парк культуры и отдыха им. Ильича и зоопарк? Бросились за советом к директору киностудии. Тот "нашел выход": Евгению Холодную отвезли на Второе христианское кладбище, подвели к могиле режиссера Петра Чардынина, снимавшего фильмы с участием Веры Холодной. В ограде этой могилы был установлен кенотаф (надгробный знак в месте, которое не содержит останков покойного) Веры Холодной. Вот, сказали ей, могила нашей великой актрисы, вашей мамы. Евгения заплакала и взяла горсть земли. Поняла ли она, что ее обманули? Об этом уже никто никогда не узнает...

Он приехал в Турцию по работе и жил здесь около года. Затем они поженились, уехали в Америку, в Сан-Франциско и стали звать туда маму с Антоном Антоновичем. Мама согласилась. Все вместе они жили в Сан-Франциско, в огромном доме, принадлежавшем Лапикену.

— Интересна судьба вашей тети...

— Окончив русскую гимназию в Софии, она вернулась в Стамбул. Тетя Женя обладала прекрасным слухом, хорошо играла на гитаре, фортепиано, замечательно пела. Она стала регентом церкви Андрея Первозванного, а мама пела там на клиросе. Эта церковь — одно из трех русских (афонских) подворий, вокруг которых была сосредоточена жизнь эмигрантов в Стамбуле.

Первый брак тети Жени, как и первый брак мамы, был неудачным. Она развелась с мужем. Детей у них не было. Затем, как я уже говорила, она снова вышла замуж, уехала в Калифорнию. Тетя Женя прожила около 92 лет.

Мама умерла в 2012 году. Она не дожила до 100 лет полгода и завещала похоронить ее в Стамбуле. Я привезла ее прах сюда, похоронила в одной могиле с тетей Надей в русской части греческого кладбища в стамбульском районе Шишли.

— Пожалуйста, расскажите о своей жизни.

— Окончив школу, я училась в австрийской гимназии. Мои младшие братья — в немецкой. Окончив гимназию в 17 лет, вышла замуж за Джона Гилберта. Его мать была гречанкой. Отец — британец. Мы любили друг друга. У нас родились два сына — старший Роланд и Джонни. Они не знали русского, так как моя свекровь очень не любила Россию и запрещала мне разговаривать с детьми на русском языке.

— Вы, наверное, владеете несколькими языками?

— Греческим, английским, французским, немецким, турецким, русским. Я посвятила свою жизнь семье. Роланд двадцать лет прожил в Австрии, потом женился на турчанке, вернулся в Турцию. Джонни в Америке. Вторым браком он женат на русской женщине и выучил русский язык.

— Вернемся чуть назад — вы вышли замуж за Джона Гилберта, но по-прежнему носите фамилию Холодная?

— В моих документах стоит фамилия Гилберт. Но в последнее время я участвую во многих мероприятиях Генерального консульства России в Стамбуле. Там, в русской общине города, да и в Москве меня называют Верой Холодной... Так и вы напишите...

— У вас сохранились вещи, принадлежавшие бабушке?

— Тетя Надя привезла из Одессы много ее вещей. Она перешивала платья, пальто Веры и пересылала девочкам в Болгарию. Со временем разошлись и золотые украшения. Жизнь была тяжелой... Никто тогда не думал, что кто-то когда-то вспомнит великую актрису. Из бабушкиных вещей у меня остались только черный ажурный шарфик и несколько украшений.

— Вопрос, который вам задают всегда и везде: никогда не мечтали стать актрисой, играть в театре или сниматься в кино?

— Маленькой я внешне была очень похожа на бабушку. Как и все дети, я выступала в рождественских и других детских спектаклях. Но никакой тяги к сцене, к искусству у меня никогда не было.

Автор выражает благодарность г-же Марине Сигирджи за помощь в организации интервью.

НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ

- Точное число фильмов, в которых снялась Вера Холодная за пять лет кинокарьеры, неизвестно. По различным сведениям — от 35-ти до 50-ти. Частично или полностью сохранилось только восемь.
- Фильмы с участием Холодной "Позабудь про камин, в нем погасли огни..." и "Молчи, грусть, молчи" имели рекордный сбор за весь период русского дореволюционного кино.
- Во время Первой мировой войны военные боготворили Холодную, называли ее "наша Верочка" и скупали билеты на все ее сеансы.
- Александр Вертинский, друг семьи Веры Холодной, еще при жизни актрисы посвятил ей несколько песен, в числе которых — "Ваши пальцы пахнут ладаном" и "Маленький креольчик".
- В 1975 году в СССР вышел фильм Никиты Михалкова "Раба любви". В основу сюжета легли эпизоды из жизни Веры Холодной. Актриса Ольгу Вознесенскую, прототипом которой стала Холодная, сыграла Елена Соловей.
- Родной брат Владимира Холодного, Николай, был ученым-ботаником, академиком АН УССР. Впоследствии его имя было присвоено Институту ботаники АН УССР (сегодня — Украины).
- В 2003 году в Одессе, на Преображенской улице, напротив дома Папудова, в котором умерла Вера Холодная, установлен бронзовый памятник актрисе. Также в Одессе есть площадь Веры Холодной.
- В 2013 году Укрпочта выпустила почтовую марку, посвященную 120-летию со дня рождения актрисы.

"Прикосновение кожи к коже"

Эти слова Сергея Ольшанского прозвучали во время репетиции перед выходом на сцену и послужили поводом для беседы после его блистательного выступления в преддверии записи альбома "ОТРАЖЕНИЯ СТРЕЛ", необычного по своей структуре и завораживающего по стилю подачи и содержанию.

— **Сергей, когда Вы осознали себя музыкантом?**

— Когда я понял, что музыка — это бесконечное путешествие.

— **Почему перкуссия?**

— Это инструмент особенный, он требует мышления "поперёк" музыкальной темы, тем самым её подчеркивая, оттеняя. Мне изначально нравились ударные. Это наиболее выразительные и наиболее древние инструменты. К тому же перкуссией может служить любой звучащий предмет, если уметь на нём играть, чувствовать.

— **Образы музыкальные как рождаются?**

— В особенности джазовые пьесы — из тишины... Для любого инструмента. И затем начинает вырисовываться общий образ произведения, свободно его обыгрываешь. Перкуссия сама рассказывает истории и "играет тебя".

— **Где живёт вдохновение?**

— Сыграть можно всё, начиная от обычной сценки на улице или вещи, вызвавшей эмоциональный отклик, заканчивая океаном. Ночь тоже похожа на океан.

— **То есть не обязательна тяга к переменам мест?**

— Скорее — к перемене состояний.

— **Барабан — инструмент дикий, как вы с ним справляетесь?**

— С инструментом нужно говорить.

— **Что даёт владение инструментом?**

— Возможность высказываться на инструменте даёт дополнительную степень свободы и как следствие — возможность услышать мир таким, каков он есть на самом деле...

— **Что чувствуете в первую очередь, когда удаётся сыграть?**

— Благодарность.

— **А как думаете: предки ваши шаманствовали?**

— Думаю, что предки пока довольны, а там видно будет.

— **Как встретили миллениум?**

— Так, как мечтал — на сцене. Это было в "Рэгтайме". Мы начали играть в 11 и закончили под утро, к пяти. Накануне было пасмурно и мокро. Когда же мы утром вышли на улицу, шёл обильный снег и по высоте уже достигал колена.

— **Нашаманили!**

— Вот именно!

— **Ваша пластика завораживает. Будто руки уже сами помнят и рисуют настроение и проявляют черты.**

— Есть особенности звукоизвлечения: это и работа, и индивидуальный характер исполнителя, такой "пластический портрет". Об этом с некоторых пор уже не задумываешься: существует момент наивысшего слипания, когда становишься проводником идущего сверху и в какой-то момент обнаруживаешь, что руки играют сами, а ты наблюдаешь.

— **Сцены не боялись?**

— Наоборот. Так вышло, что, оказавшись впервые на сцене ещё в самостоятельном студенческом театре политеха, я почувствовал себя более чем комфортно и всегда знал, что это "моё". Известный барабанщик проекта "Мэгнэтик Бэнд" Гунар Грапс говорил: "На сцене себя нужно вести, как дома, а в студии — как на дипломатическом приёме".

— **Каковы же были ранние проявления интереса к музыке?**

— Не помню всего, разве что попавшийся мне на глаза в третьем классе привезенный отцом из рейса диск Тома Джонса, то, какое яркое впечатление оставил он в моей душе. Конечно, тогда я ещё многого не понимал и не знал, но до сих пор помню это ощущение от его нежной мощи голоса, открытой манеры исполнения, дополняющий нервный синкопированный ритм. Одно же из того, что запомнилось маме, преподавателю гармонии и музыкальной литературы в школе Столярского, это моё неожиданное желание в отрочестве прослушать оперу "Хованщина", которую не все и более взрослые учащиеся могли

осилить. В целом раннюю способность почувствовать, понимание сложной музыки.

— **Наверное, вместо "войнушек" в музыканта играли?**

— Угадали! И сооружения из нехитрых предметов превращались в микрофоны, усилители и барабанную установку. И перевоплощался. И был на десятом небе от счастья. Я не просто двигался под музыку, подпевая, но постигал послы этой песни, то настроение, которым она окрашивает реальность вокруг себя. Потом от подражания шагнул на ступень выше, раздобыл палочки — вот тут-то для родителей начались тяжёлые времена: я барабанил на всём, откуда можно было извлекать звуки; а также были принесены в жертву мамыны бусы для роли шейкера в этом чарующем действии.

— **Эта конструкция, именуемая "барабанной установкой", перкусионная лаборатория, авторской работы?**

— Изначально за основу была взята тренога старого этюдника, впоследствии обросшая крепежами, тарелками, и кол-беллами, и всевозможными звучащими элементами, а с течением лет преобразовывалась в зависимость от строя и формы инструментов.

— **Что происходит на концерте?**

— Многократный взаимообмен энергией, с отдачей такой силы, такого качества волны... Как будто занимаешься любовью со всем залом одновременно. А лучшая оценка зрителя — это последующая тишина...

— **Ваш слушатель — это...**

— В лучшем случае — человек тонкий и открытый, не ограниченный однообразными схемами, свободный во многом. Тогда происходит степень близости, равная доверию. А вообще радостно, когда твоя музыка "цепляет", пробуждает человека. Но не всегда адресат — человек.

— **Музыка сопровождает Вас, как это проявляется?**

— Просто можно идти по городу и вслушиваться в его симфонию. Всё звучит. Всё живое. Это ещё индейцы знали.

— **То есть Ваш опыт познания происходит сквозь музыку?**

— Да, главным образом.

— **Вы живёте в музыке. В данный момент на каком этапе?**

— Один из них — пытаюсь прочувствовать этнические моменты в звучании своего инструмента.

— **Чем отличается музыкант от любителя?**

— Музыкант берёт на себя ответственность за пьесу, а любителю главное — хорошо провести время.

— **Что неприемлемо в исполнении?**

— Как и в партии любого инструмента — мелодичность. И, соответственно, наоборот.

— **То есть и на перкуссии, вопреки распространённому заблуждению, можно создать мелодию?**

— Безусловно.

— **Какова задача настоящего музыканта?**

— Войти в ритм, совпасть с мирозданием, полностью внимая этому миру, и тогда мир по закону отражения полностью станет внимать тебе.

— **Что ещё помнится из наиболее радостных фрагментов выступлений и событий?**

— Каждый миг, фрагмент по-настоящему уникален. Вот, например, отработывая приёмы аппликатуры рук и звукоизвлечения на даче под открытым небом, в какой-то момент понял, что мы играем вместе... Знаете ли, цикада большую часть своего времени проводит под землёй. В её горле расположены две пластины, воспроизводящие звук. Проживая под землёй почти всю жизнь, в последние три дня, выйдя на поверхность, цикады заливаются пением и так и умирают, это их предсмертная песня. Четкой кодой включилась партия соседской собаки.

— **Как бы Вы проиллюстрировали поколение восьмидесятых — девяностых, ту богему? Основные черты этого портрета?**

— Это был в прямом смысле андерграунд: сборища в подвалах, на квартирниках. Одно из таких "культурных" мест было на улице Подбельского, 5, так называемый "салон", у Оли Бековой, где круглосуточно двери не закрывались. Всё было внове тогда для нас. И главное — не боялись экспериментировать в искусстве. При этом что-то человеческое было во всём этом. Бесшабашность тире бесстрашие, несмотря на лицемерие эпохи и попыт-

ки контроля общественности, на фоне всего этого — атмосфера искренности и поиска. И сам возраст к тому располагал, смутно зарождающееся в каждом творческое "я", которому большинство даже не придавали значения поначалу, будто это временное явление. Для кого-то так и осталось это временным, кто понял, что "это не его", кто-то засбоил, быстро сгорел... Общая черта была — большие искренние надежды и амбиции. Мечтали. Кто-то был более, кто-то менее талантлив, кто-то отдавал себе в этом отчёт, кто-то нет. Тогда царил миф о столице. Были и разочарования, и удачи, но и это растило и формировало личность. Самые сильные как минимум не деградировали, а те, кто выжил — большая удача.

— **Было единство?**

— Единство может быть в армии, например, или на параде. По-настоящему человек, который что-то собой представляет и мыслит нестандартно, не может быть в хороводе. Но мы пересекались, схлёстывались в самом главном: попытке полного и бескомпромиссного растворения в искусстве.

— **Чему научило Вас это время?**

— Научило обходиться малым — во всём. Начиная от быта, заканчивая общением, появилась избирательность. К слову, "те, кто остались", в принципе, ведут довольно замкнутый образ жизни: мы своё "отгорели" тогда. А закат эпохи сбросил "розовые очки с глаз" полностью, во всём, и как результат — научил выхватывать самую суть всего.

— **На обложке диска — Ваш рисунок. Второе Ваше образование — худграф. Что для Вас изобразительное искусство?**

— Я поступил на графическое отделение уже после армии. Первая выставка успешно состоялась на третьем курсе, совместно с одним из сокурсников. У нас купили почти все работы, одну даже утаили. Рисование сопровождало меня всю жизнь, как ещё одно любимое естественное проявление меня. Музыка, конечно, вытесняла станковое искусство, приоритеты изначально сместились в её пользу.

— **Расскажите о проектах, в которых Вы работали.**

— Начиная с барабанной установки в отрочестве и занятий с талантливым одесским педагогом Н.И. Лисицей. Позже, будучи в армии на Востоке, столкнулся с азиатскими бубнами и различными инструментами, где звук извлекается непосредственно руками. Но, поскольку ни специальной литературы, ни школы перкуссионистов у нас в городе не было, пришлось учиться самому, в том числе — по видеозаписям. Они дали базовые, так называемые "стандартные приёмы", дальше сам.

В итоге моя квартира на площади Потёмкинцев, 5 превратилась в своеобразную творческую лабораторию, куда в течение четырёх лет по уик-эндам собирались и мои друзья, тоже пробовавшие и искавшие себя в музыке, и мы играли "спонтанную музыку", это когда тема рождается во время игры. Постепенно слух об этих "джерсейшпах" прошёл по городу и привлек разношерстную публику, начиная от консерваторцев (обитателей музучилищ) и просто самородков и заканчивая слушателями или любителями "потусоваться".

На одном из таких сейшнов я познакомился с Сашей Бедрицим — Шмэком, пригласившим меня впоследствии к участию в одном из его проектов "Шмэк энд хиз фрэндз". Мы предложили слушателю эдакий "коктейль", где в равных пропорциях были смешаны и рок, и блюз, и элементы джаза и фанка. Всё это проходило на выставке Юрия Плисса и Анатолия Ерёмченко. Видеоматериал, один из самых наших удачных музыкальных перформансов, гениально отснял оператор Борис Годжулов. Эта съёмка, мастерская и впечатляющая, к слову, тоже так и осталась в формате VHS. В том числе играл на открытии выставки художника и искусствоведа Сергея Ильина и на открытии фестивалей, происходивших на территории Литературного музея осенью.

Далее меня пригласили играть в "Дельта мэдрик бэнд", и хотя здесь мы играли не свои, а кавер-версии чужих вещей, это дало хорошую школу "командной игры". Выступали в основном в "Рэгтайме", плюс ряд выступлений по одесским клубам. Помню концерт с презентацией "Бакарди". Такого количества рома в подарок мы не ожидали. Почти всю зиму скрашивали потреблением марочного. Нашу музыку любили. После трёх лет существования "ДМБ" распался, и я стал играть в проекте Мирослава Полищука "Чужие". Весьма камерный и серьёзный проект, оставивший отпечаток на моём музыкальном восприятии. Не побоюсь этой формулы — это

был камерный элитарный джаз в формате трио. Мы репетировали при Одесском университете, его клубе. Премьера программы была в малом концертном зале. Потом мы попробовали музыкально проиллюстрировать японскую поэзию, и таким образом родилась программа, чьё название было связано с Лунной, имевшая неожиданный даже для нас успех. Продолжили концертить в большом зале университета. Ещё играл с автором-исполнителем Сашей Лосевой в зале того же университета, о качестве проекта можно судить в том числе по реакции двух иностранных студентов из Ливии: вопрос о том, где можно купить диск с записью, и удивление по поводу отсутствия такового. Стоит упомянуть самый ранний достаточно интересный и самобытный проект, который назывался "Крамница мрий" Оксаны Цеоцоры. Там я работал с удивительной вокалисткой и автором песен Еленой Жаровой. И хотя он просуществовал около двух лет, выступлений было множество, в том числе и за пределами Одессы. После этого я взял тайм-аут: нужно было перевести дух после насыщенных выступлений и непрерывного скопления людей, побыть наедине с собой, осмыслить всё и главное — понять, в какую сторону двигаться дальше. В тайм-ауте я искал Музыку.

В дальнейшем происходили пересечения с различными интересными коллективами, яркими, более или менее известными. Особенно хочется упомянуть пространство "Джонатан" моего друга Натя Димитровой. На едином дыхании мы втрём с нашим флейтистом записали диск "Репетиция весны" и прозвучали в серии концертов. Это сотрудничество и ныне актуально, и только по техническим причинам мы не записали ещё как минимум несколько альбомов. Мой бесценный напарник Сергей Зиневич также автор грандиозного проекта "Планета Пустыня", который почти весь держится на барабанном ритме. И где помимо видеоряда, смонтированного на двух параллельных экранах, воссоздающих две реальности, и художественного "фоторепортажа" был включен балет-дуэт. Это явилось началом моего сотрудничества с мастером танца Татьяной Гришко. Но об этом проекте, прозвучавшем на сцене Большого театра и в Еврейском культурном центре, стоит рассказать отдельно. Кроме прочего, для меня интересно было и то, что в этом проекте сочинение партии перкуссии лежало на мне.

Глубокое впечатление на меня произвела музыкант Анастасия Кузьмина. Это скрипачка, которой подвластна широкая палитра инструментов, от классических до этнических и экзотических. С ней всегда интересно импровизировать, мы пересекались не в одном проекте. Потом в моей истории было несколько зарубежных контрактов (один из них — театральный). Затем — задача проиллюстрировать музыкально серию одесских литературных вечеров Южнорусского союза писателей, а также ряд фотовыставок. На данный момент — репетиция моего проекта "Под бумажной луной" с не совсем обычным составом... музыкантов.

И, что не удивительно, дебютом "Under the paper moon" явилась игра в мчащемся троллейбусе на одесской Ночи музеев.

— **Ваша игра по состоянию напомнила мне однажды французскую команду "Malicorne", что играет тонкую музыку со "средневековым уклоном".**

— Мы играем сложную музыку — по крайней мере, о себе мы слышим такие отклики, и в то же время наша музыка легко и непринуждённо вписывается в любой формат "культурного пространства". Вплоть до конца осени мы отыграли обоймой на выставках известных одесских художников, в том числе нашего друга Ольги Котовой; в клубах и культурных центрах. А уже летом нам удалось сделать демо. Помог прославленный маг звука Константин Пенчковский. Успели записать 11 вещей, что примерно соответствует объёму альбома. Музыку сочиняет наш гитарист в основном, а в остальном — импровизация каждого из нас. Это то интуитивное начало, показатель внутренней свободы. Не все могут импровизировать. Чтобы по-настоящему импровизировать, нужно быть достаточно открытым ещё — чтобы быть способным вместе, и искренним — чтобы уметь этим делиться. Что же касается перкуссии, мало кто знает о ней по-настоящему, даже те, кто в курсе, что фортепиано, как и родственной оному — цимбал, хоть и струнный, но ударный инструмент. Как и в фонетическом мире для слова, для перкуссии есть множество градаций, но она, как и настоящая поэзия, что обитает между строк, перехлестывает звукоряд вибрацией запредельной. И область её звукоизвлечения: от мембраны — до целиком звучащего тела.

Михаил ТАЛАЛАЙ

Одесса итальянскими глазами

Еженедельное воскресное приложение к деловой газете "Il Sole — 24 ore" — одно из самых читаемых в стране. В нем ведущие эксперты дают великолепную панораму Италии в сфере культуры.

Вот уже почти два месяца верные поклонники этого приложения каждое воскресенье следят за путешествием по Европе одного из самых видных современных литературоведов — профессора Карло Оссола. Всего им заявлено 16 остановок, с началом в Голландии и окончанием в Испании. Почти в середине, седьмая, 28 мая — Одесса, сразу после Львова (для итальянцев — Леополи). Эрудиция, вкус, наблюдательность профессора всем очевидны, как и изящество изложения.

Что же ищет в Европе Карло Оссола? Как пишут от редакции в еженедельных преамбулах, он ищет ее душу. Мы же смело добавим — ее итальянскую душу. И имеет на это полное право — Европа зиждется на римской цивилизации, усвоившей древнегреческую. И если цивилизация Эллады прервалась (да простят меня современные греки), то итальянцы успешно экспортируют свой латинский гений веками и беспрерывно.

Что же на первом плане видит итальянский автор? Конечно, Потемкинскую лестницу — она и попала на графическую заставку, где присутствует и пресловутая коляска (правда, для веселого воскресного настроения композиция создана в духе питерских митяков). Лестницу создал, как все знают, Франц Карлович Боффо, он же — автор других важных одесских достопримечательностей.

Тут возникают интересные нюансы — в итальянском тексте он, конечно, не Франц (боже упаси от немцев) и не Франс (с французами — застарелая конкуренция), а исключительно Франческо — самое наитальянское имя. К тому же Франческо Боффо становится сардинским зодчим, пусть он и отроком покинул родной остров. И это достойно возвращено комментарию.

Для итальянского сознания определяющим является место рождения: где человек появляется на свет, там он и приобретает свою географическую принадлежность. Уже к этому давно привык и если вижу, что Ростропович — азербайджанский музыкант, то, значит, он родился в Баку, если же Барышников — латышский танцор, значит, родом из Риги, и т. д., и т. п.

Профессор-путешественник прямо называет Потемкинскую лестницу итальянской цитатой у Эйзенштейна. Есть у режиссера (его, кстати, тоже можно назвать латышом) другие итальянизмы — он любил, как это цитирует К. Оссола, раскрывать принципы композиции путем "раскадровки" и монтажного анализа сложных произведений живописи, таких как "Тайная вечеря" Леонардо.

Профессор затем рассказывает вкратце об одессите, который больше известен в Италии, чем у него на Родине. Это Лев Гинзбург, ребенком увезенный из Одессы и сделавший блестящие переводы русской классики. Карло Оссола справедливо заявляет, что Гинзбург "экспортировал в Италию великий русский роман". Замечательный переводчик и литературовед погиб в рядах итальянского

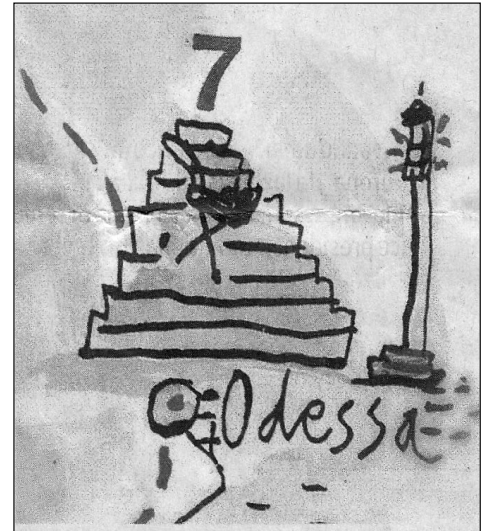
Сопrotивления — в начале 1944 года его замучили в стенах римского гестапо.

Приближая Одессу к читателю, автор перечисляет имена знаменитостей, имевших одесские корни. Это, конечно, музыкант Боб Дилан (Циммерман), одессит по бабушке и бабушке — его имя даже вынесено в шапку статьи, вероятно, редакторской волей. Это писательница Ирина Немировская, литературная слава которой возникла в Европе совсем недавно. Она родилась в Киеве, писала романы (на французском) в Париже, погибла в Освенциме. Однако ее предки — из Одессы.

Что касается литературы об Одессе, то тут на первый план выходит Бабель — он обильно и к месту цитируется, и его известные пассажи пересказывать не будем.

Завершается очерк личным воспоминанием автора, как ни удивительно — венецианским. Карло Оссола пишет о своем волнении лет 30 тому назад, когда он увидел впадающим в венецианский канал Джудекка корабль с надписью "Odessa". Присоединим к нему и наше собственное: теплоход "Odessa" в течение многих лет на рубеже веков я видел арестованным, на приколе в неаполитанском порту. Оставшиеся на его борту моряки голодали, и неаполитанцы их подкармливали. Все это продолжалось до той поры, пока корабль не выкупили и он куда-то уплыл.

Путешественник объявил, что следующей остановкой будет Анкара. Вроде бы и не совсем Европа, но в этих краях, оказывается, побывал великий "итальянец" — Гай Юлий Цезарь. Его бюст и попал на заставку следующего эссе.

VERSO EST

La prossima tappa, Odessa

Nella città che ha fatto il cuore del XX secolo europeo (Anna Achmatova, Isaac Babel, Emil Gilels, David Ojstrach, Nathan Milstein, Leone Ginzburg, e anche la famiglia di Bob Dylan), chi sarebbe il nostro immaginario senza la "scalinata Potëmkin" di Eizenštejn?

Евгений ДЕМЕНОК

Весёлые и поучительные истории, приду- манные и рассказанные за кружкой пива

О необходимости быть решительным

В первый раз Виктор задумался о смысле жизни в пять лет. Он почти уже начал чувствовать, что разгадка недалеко, но в ванную вошла мама и сказала, что нельзя так долго сидеть на горшке.

Второй момент откровения случился после первого секса, в шестнадцать. Счастливым, он лежал на спине, раскинув руки, и Марина нежно прижалась к нему, положив голову на плечо.

Вот эти первые минуты после секса — самые лучшие для того, чтобы думать о чём-то вечном.

— Милый, давай попробуем ещё раз? — нежно прошептала Марина.

— Конечно, любимая, — ответил Виктор, вздохнув обречённо, но незаметно.

Не получалось подумать ни в университете, где он без особого рвения учился на юриста, ни на работе, в торговой компании. Всё время кто-то отвлекал — то профессора, то начальники. Был, правда, один счастливый день, когда всё руководство внезапно разъехало, в офисе было тихо и спокойно и Виктор сидел один в курилке, наслаждаясь медленными послеобеденными минутами. Внутри него, как тогда, в детстве, что-то шевельнулось, мысли блуждали далеко-далеко, и ответ на так волновавший его вопрос вновь забрезжил неподдалёку.

Размышления прервал ворвавшийся в курилку начальник службы безопасности.

— Витя, быстро вниз, у нас на проходной "маски-шоу". Стало понятно, почему начальство так неожиданно исчезло, но размышлять было уже некогда.

Наконец Виктор женился. — Как удачно! — подумал он. — Жена будет вести домашнее хозяйство, у меня будет время думать.

Медовый месяц почти оправдал его ожидания. Первые две недели в Кемере пролетели, как один миг; думать было некогда.

На третьей неделе поехали в Затоку, чтобы продолжить пляжный отдых, только уже в своих, родных местах.

Широкий бескрайний пляж, горячий песок, шум волн — что может быть лучше для размышлений? Виктор лёг на спину, закрыл глаза рукой — солнце слепило немилосердно, погрузился в себя. Рядом лежала Даша, она тоже закрыла глаза, и казалось, что она спит.

"Вот оно, счастье", — подумал мельком Виктор и снова попытался сосредоточиться.

— Милый, ты не мог бы сходить на базарчик через дорогу и купить там вяленой рыбки? Хочется чего-то солёненького, — сказала Даша и улыбнулась.

За годы супружеской жизни Виктор научился многому: готовить и гладить постельное бельё, чинить детские велосипеды и правильно выбирать мясо. И даже красиво выходить из сложных ситуаций, когда их мальчики в очередной раз отбучивали что-то в школе.

Не получалось только одного — подумать.

Собственно, думать особо было некогда. Длительных командировок у Виктора не было, в отпуск всегда ездили вместе с женой. Хотя нет, вру. Был один случай. Жена с детьми пошла тогда на концерт, и он остался дома один. Стоял воскресный июльский вечер, жара; Виктор любил жару, он вышел на балкон с сигаретой и бокалом белого вина. Давно забытое чувство внутренней гармонии начало пробуждаться в нём, и где-то рядом, казалось, были ответы на вечные вопросы — вот они, рукой подать... Но — внезапно зазвонил телефон: жена забыла дома билеты, пришлось срочно одеваться и везти их к театру.

К пятидесяти он впал в апатию. Количество оставшихся лет убывало, как светлое время суток поздней осенью; он многому научился, многое видел, но ответ на главный вопрос: зачем всё это? — так и не нашёл. Когда спустя тридцать лет он серьёзно заболел, жена, дети и почти уже взрослые внуки ни на секунду не оставляли его без внимания и заботы.

В тот день он почувствовал — сейчас или никогда. Говорить уже не было сил, и он начал стонать.

— Мальчики, приезжайте срочно, — кричала жена в трубку. Через час все собралось в его комнате. Он силится что-то сказать, но получалось с трудом. Наконец он прохрипел:

— Выйдите все, дайте, наконец, подумать!

Прохрипел и умер.

Родные не успели даже обидеться.

О необходимости быть предусмотрительным

Найти место для парковки в центре Праги — большая удача. Особенно, если в центре не живёшь и у тебя нет регулярной парковочной карты. Пражане наизусть знают те редкие места, где вдоль тротуара нет синей линии и машину можно оставить просто за деньги, на платной парковке. Ну а верх ведения — найти такое место вечером в пятницу, когда машину можно бесплатно оставить до самого утра понедельника и пуститься в плавание по пивным и ресторациям.

Пан Иржи Заоралек с детства слышал разговоры родителей о том, кто из их знакомых удачно нашёл место и оставил машину бесплатно на целые выходные.

— Счастливчик, — говорили родители.

Жизнь Иржи сложилась не очень удачно. Семьёй он так и не обзавёлся; в почтовом ведомстве, где всю жизнь работал, вырос до клерка средней руки.

Он долго откладывал деньги и на своё пятидесятилетие сделал себе подарок — купил новую "Шкоду Фабию".

В первые же выходные он приехал в центр и долго кружил в поисках места. В конце концов, джип "БМВ" выехал с парковки на улице Ланной, что прямо у Влтавы.

Торжествуя, Иржи поставил туда свою "Шкоду".

Он планировал забрать её в понедельник, в восемь часов утра, но так и не решился. Во второй раз удача может и не улыбнуться.

Теперь он каждый вечер садится в метро, приезжает на станцию "Площадь Республики" и идёт к своей красавице.

Она уютно стоит на своём месте, поблескивая серебристыми боками.

— Счастливчик, — шепчут прохожие, глядя на Иржи.

Точно шепчут, не смеетесь.

О необходимости быть весёлым, находчивым и изобретательным

Пётр и Миша взяли по четвёртой кружке пива. — Как они говорят? Резаное? — спросил Пётр.

— "Резаное", — ответил Миша.

Парни обвели глазами пивную. Длинный зал был переполнен — не протолкнуться. Такой же густой, как табачный дым, гул голосов сливался в одну разноязыкую кашу.

Мучительно хотелось кого-то. Денег, однако, было в обрез, поэтому любви хотелось чистой, светлой, быстрой и бесплатной.

— Хочется чешку, — сказал Пётр.

— Забудь. Мы не их целевая аудитория. Как только узнают, что мы украинцы, сразу потеряют интерес. Разве что стены побелить попросят.

— Ты зрадофил?

— Обижает. Просто естественный отбор. Женщины ищут тех, кто богаче, успешнее, перспективнее. Ты хоть раз видел, чтобы к нам приехали за женихом? Только за невестами. Приезжают и увозят так же, как турки триста лет назад. Ничего не изменилось.

Соседний столик освободился, и официант тут же подвёл к нему двух молодых азиаток.

— Я тебе точно говорю: это японки, а не китайки, — ответил вполголоса Миша на немой вопрос Петра.

Девушки посмотрели на соседей и застенчиво улыбнулись.

— А вот это удача, — шепнул Миша. — Мы же для них чехи. Я слышал, что японки специально приезжают в Ришикеш, чтобы переспать с европейцами. Может, и в Прагу за этим приехали.

— Но мы же знаем всего пару чешских слов.

— Так и они знают не больше. Английский нам в помощь.

Петя недоверчиво хмыкнул.

— Может быть, помочь вам выбрать лучшее пиво? — с улыбкой спросил у девушек Миша.

Через час все четвером вышли прогуляться по вечерней Праге, через три уже шли к девушкам в отель. В самом деле, не идти же в хостел, в котором остановилась веселая студентка из Брно, приехавшие в Прагу на уикенд?

Под утро Петр открыл дверь одной из комнат этого самого хостела. Миша был уже там.

— Ну как? — спросил с улыбкой Миша.

— Мне понравилось быть чехом, но номер я ей оставил украинский.

О необходимости найти своё место в жизни

— А он? Чем он занимается?

— Он крутой. Он работает адвокатом у художников.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.